

ПУШКИН И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА ЕГО ВРЕМЕНИ

I

Пушкин, писатель свободного и простодушного характера, высших способностей, высших побуждений и глубокого понимания, сознававший свое призвание и великие силы своего народа, жил в среде бездушной, холодной и завистливой. «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид»... Но эти обиды наносил ему не только свет, которому было и мало дела до его поэтических способностей, - обиды наносили и современные ему писатели, та литература, которой он служил. Поэт вступил в борьбу со своими обидчиками. Поэтому история этой борьбы является вдвойне важной, освещающая и ту среду, в которой поэт действовал, и все, даже частные отношения, которыми поэт считал нужным пользоваться для борьбы с «чернью».

Отношения Пушкина к публике, его не понимавшей, выраженные в стихотворении «Чернь», ставятся акад. Майковым на совершенно реальную почву, именно в том смысле, что поэт не выражает в нем принципиального презрения к публике. «О “Черни” у нас много писано; ее толковали на разные лады. Но, кажется, главною ошибкою большинства критиков было то, что они искали в пушкинском стихотворении то, чего и не думал давать автор, именно – искали цельной, художественной теории, и, объяснив по-своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другие осуждали ее. Чтобы не выйти из пределов мысли, намеченных автором «Черни», следует прежде всего иметь в виду, что в рукописи эта пьеса была названа Ямбом по примеру Ямбов Анд. Шенье, т.е. тех произведений, в которых столь любимый Пушкиным французский поэт бросал укоры и обличения своим обезумевшим современникам. Тот же смысл жестокой сатиры имеет и «Чернь» русского поэта... Не может подлежать сомнению, что стихотворение «Чернь» есть именно ответ его непризнанным лицемерным судьям, как в обществе, так и в журналистике. Что Пушкин обращался в нем не к народной черни, а к пустой светской толпе это видно, между прочим, из любопытного рассказа Шевырева о чтении стихотворения самим автором в салоне кн. З.А. Волконской.¹ Страхов первый поставил именно таким образом вопрос об отношении Пушкина к народу: выражения презрения были вызваны обидами; с обычной своей прозорливостью критик разрешает давнее заблуждение (граничившее иногда с клеветой на великого писателя) – почти без остатка. «Начиная с 1826 г. – говорит Страхов² - у Пушкина является целый ряд произведений, тема которых значение поэта, его достоинство, его отношение к окружающей жизни»... Этот ряд начинается с «Пророка», где поэт выразил сознание своей великой силы и значения. «Это сознание своего важного значения не покидало Пушкина до конца; но странно!

¹ Майков. Очерки, 180–182.

² Заметки о Пушкине. 5 и далее.

чем дальше мы идем в его жизни, тем сильнее нападает на него какое-то беспокойство и смущение. Его окружает какая-то загадка, которую он не может понять, его что-то тревожит глубоко и болезненно... Рассказывают, что в последние годы жизни Пушкина, т.е. в годы полного расцвета его поэзии и полного сознания этого расцвета, масса читателей все больше и больше к нему охладевала». Началось разъединение, борьба между сознанием своих способностей и холодностью публики. «Сначала поэт, очевидно, старался уйти от борьбы в высокомерие и презрение к своим читателям... Но такое равнодушное и гордое отношение к читателям, очевидно, не было в натуре Пушкина... В музыке его стихов скоро послышались звуки боли и печали... Сначала поэт все еще хочет казаться гордым и презирающим; но уже видно, что он старается в чем-то утешить себя, устранить от себя какие-то несбывшиеся желания. «Поэт, не дорожи любовью народной!» Так начинается сонет. Этот совет, обращенный к самому себе, показывает только, какие желания жили в душе поэта. Им, очевидно, обладало высокое честолюбие: ему хотелось *любви народной!* Но чувствуя вокруг себя холод и равнодушие и, однако же, твердо веря в свое призвание, он прибегает к гордому совету: «Поэт, не дорожи любовью народной!» Были, однако же, минуты, когда он побеждал свое уныние, когда он тверже верил в себя, и тогда первой его мыслью была эта самая народная любовь. Так, когда он воображал свой памятник, он надеялся, что «к нему не зарастет *народная тропа*». Здесь своей высшей наградой, своим лучшим утешением он считает память и любовь народа: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык... И долго буду тем *любезен я народу*, что чувства добрые я лирой пробуждал». Не из влияния шеллингизма, но «прямо из своей собственной жизни он вынес горькую необходимость уединиться от народа, так или иначе перенести его равнодушие и остаться самим с собой. С ним случилось то самое, что он вообще предвещал поэту: «восторженных похвал пройдет минутный шум, услышишь суд глупца и смех толпы холодной». Итак, вот причина: его судили глупцы, толпа отвечала на его речи холодным смехом. Ничем не мог он победить холодности толпы, ничем не мог изменить мнения глупцов. Поэтому и в «Памятнике» он гордо успокаивает себя: «И не оспаривай глупца», Своих судей он называет глупцами, своих читателей вообще – холодною толпою. Но эти жесткие слова у него вырвались как будто невольно; он никак не мог смотреть хладнокровно, равнодушно на «тупую чернь». Чувствуя в душе гнев или скорее горечь, он сам старается успокоиться, он говорит себе: «но ты останься тверд, спокоен»... Вы думаете, это – величавое спокойствие, высокомерное вознесение себя над другими? О, нет! Но ты останься тверд, спокоен и *угрюм!* Угрюм! При всех утешениях самому себе, он чувствует однако же, что не может не быть угрюмым. – «Ты царь; живи один!», - говорит он сам себе, а между тем несмотря на то, что в нем так живо чувство своего царственного величия, он остается печальным, угрюмым,

ему тяжело жить одному, тяжело без сочувствия. так живо чувство своего царственного величия, он остается печальным, угрюмым, ему тяжело жить одному, тяжело без сочувствия. «Это беспокойное болезненное отношение к публике Пушкин воплотил, по мнению критика, в «Импровизаторе-итальянце». В лице бедного итальянца, в душе которого скрытым огнем горит божественное вдохновение, Пушкин выразил и другую черту своих воззрений на поэта; таким образом, это лицо пушкинского рассказа имеет биографическое значение, наряду с многими другими лицами его созданий. Но есть еще лицо, которое носит на себе уже слишком явно, бесспорно, черты характера и отношений самого поэта: это – Чарский. Известно начало рассказа.³ Чарский был поэт, но стыдился своего прозвища поэта; он скрыл род своих занятий, желая быть вполне независимым: звание поэта налагало на него обязательства и ставило его в известную зависимость от публики. Он старался жить и держать себя вполне частным человеком; вел жизнь пустую и рассеянную, ничем не отличался от других вкусами и привычками. Однако страсть его к творчеству была неодолима; в очерке повторены все биографические черты: «мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец»; когда на него находила «такая дрянь» (т.е. вдохновение), он запирался почти на целый месяц, большей частью осенью». Здесь раздвоение поэта доведено до последней степени, в душе поэта из тех самых обстоятельств, на которые указано Страховым. Поэт добровольно отказывается от своей популярности, и не потому, что он не желал славы, но потому, что мечтал о действительной высокой, народной славе. «Что слава? Горько воскликнул он однажды – шепот ли чтеца, гоненье ль низкого невежды или одобрение глупца?..» Все это почти дословно осуществилось в судьбе самого поэта. Кто создавал славу Пушкина? Три стана создавали эту славу: публика, журналисты и друзья, также писатели. Публика могла выражать себя в «шепоте чтеца», друзья, т.е. Жуковский, Вяземский, Плетнев, Дельвиг не много сделали для этой славы: они мало и редко говорили в печати о Пушкине; таким образом, и они большей частью ограничивались одним «шепотом чтеца». Журналисты же одобряли и гнали; и действительно, не много ума было в их одобрениях, не много сделала современная Пушкину критика для уяснения истинного духа его созданий; гонение на великого поэта, конечно, было и невежественно, и низко. Пушкин, сознавший свою силу, достоинство и значение, должен был относиться отрицательно к суждениям современной ему критики. Он не чувствовал к ней простого уважения, тем более, когда она обнаруживала иногда побуждения не только чуждые литературе, но нравственно непозволительные. Пушкин говорит об отношениях своего героя к современным литераторам в таких пренебрежительных выражениях: «Он не

³ IV. Египетские ночи. Гл. I и черновой набросок (стр. 398 – 400). См. Записки Павлищева, по авторитетному показанию которого Чарский есть сам Пушкин. 287 и дальше.

любил общества своей братии-литераторов. Он, кроме весьма немногих, находил в них слишком много притязаний, у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у четвертых на меланхолию...

...Иные казались ему скучными по своей глупости; другие несносными по своему тону; третьи гадкими по своей подлости; четвертые опасными по своему двойному ремеслу, вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочинениями»⁴. Кроме всех недостатков своих, они не имели никакого благородства и скромности. Такие-то люди судили и гнали поэта. Характеристика немного преувеличена; дальше приводимые мною материалы ее осветят в мере ее действительного значения. Они укажут и на то, что не из аристократической спеси отдалялся от журналистов Пушкин; более того, что никакой собственной спеси в Пушкине и не было. Когда поднялось на него гонение, он не сохранил даже спокойствия «пророка», но раздраженно, человеческим возмущением ответил на гонения; когда стал замечать, как широко и полновластно распространяется влияние невежественных и низких людей на тот народ, которому он хотел служить своим поэтическим откровением, он взялся за оружие общественного бойца и упрекал тех писателей, которые считали это предосудительным для аристократического достоинства. На этот ответ ответили ему еще сильнее гонением; разница в общественных убеждениях все более обостряла борьбу; враги пользовались и клеветой, и доносами: последнее слово во всяком случае оставалось за ними. Но и тогда, когда вопросы не выходили из области чисто литературной, критика пользовалась всеми средствами развенчания и унижения поэта, его творчества. Таково было положение Пушкина в журналистике около 30 года, когда начала издаваться «Литературная Газета». В журнале своего друга поэт решил выступить как публицистический критик. Это положение подорвало окончательно его авторитет. Когда поэт сам стал задевать своих врагов, они уже совершенно перестали стесняться средствами.

Три врага шли один за другим, ссылаясь один на другого. Первый из них Надеждин, появившийся в литературе в 1828 г. на сером фоне литературного староверия Каченовского и предъявивший русской литературе новые высшие требования, которым великий поэт, по убеждениям нового критика, не удовлетворял. Надеждин стоял на чисто литературной почве, два другие противника Пушкина перешли на почву общественных пристрастий и личных счетов: один был призванный журнальный боец, другой низкий журнальный плут: таким образом составляли они странный, сомнительный плут: таким образом составляли они странный, сомнительный союз. В летописях русской жизни едва ли найдется что-нибудь более тяжелое, чем статьи Надеждина о

⁴ IV. 400. О Надеждине поэт выразился: «Его критики были глупо написаны...» О Полевом: «Он скучен, педант и невежда...»

Пушкине. Мы привыкли осуждать до унижения Булгарина, между тем невозможно и сравнивать сознательную деятельность просвещеннейшего критика и темное ремесло журналиста, руководимого одним расчетом и страстями; один был видный исключительных способностей профессор и писатель, другой был страшен лишь по своим литературно-торговым способностям и огромному влиянию на общество, осужденное иметь одну булгаринскую газету. Его литературные критики никого не трогали. Его враждебные отношения к Пушкину начались собственно с недоразумения, которое было обращено Булгариным в гонение на поэта; последний, в свою очередь, воспользовался этим недоразумением, чтобы вступить в борьбу с огромным влиянием журналиста, вносившим пошлость в литературную и общественную жизнь. Другое дело – Надеждин. Прежде всего он продолжал Каченовского: он появился в его журнале и стал писать ему в тон. Но Каченовский был «туп и скучен», Каченовского презирало новое поколение писателей. Надеждин выступил во всеоружии модного образования и точно определенной идеи. Он поднял гонение на Пушкина не за одни грубые выражения, не за разрыв с классицизмом и отклонение от всех почтенных дедовских правил, как прежняя критика «Вестника Европы». Оружие Надеждина было острее: он предъявил русской литературе требование идейности и, приложив к творчеству поэта эту новую мерку, не нашел в нем присутствие идеи. Это было действительно обидой. Начались издевательства, которые нам кажутся теперь возмутительными потому, что мы видим в созданиях нашего великого поэта не только присутствие идей, но живую идейную глубину. Надеждин стал без пощады повторять, что он видит в таланте поэта одну внешнюю изобразительную способность и живую насмешливость, «пародийный гений».

Надеждин имел роковой порок: он имел чувства меры, не имел вкуса, поэтому он во всяком случае не мог быть истинным литературным критиком. Он был теоретик и его теоретические рассуждения имели твердую и определенную почву; с этим он подошел и к русской литературе и поставил ей требование идейности: - здесь его заслуга. Но отсутствие вкуса закрывало ему глаза на смысл пушкинского творчества: - здесь его слабость. Отсутствие вкуса в нем было изумительно. Оно было, конечно, виной и его безвкусных критических диалогов, иногда более похожих на бред, чем на литературный разговор. По-видимому, он сам увлекался своим дурным красноречием и тупыми шутками, которые нравились его неразборчивому вкусу. Все это писалось особенным напряженным и вычурным стилем, языком, смешанным из славянских речений и философских терминов. Наконец, в деятельности Надеждина отмечают черту, разъясняющую недоумение, которое производят его первые статьи, с их разнузданным образом выражения и стилем, но зато и совершенно подозрительную в нравственном смысле. Выступив в журнале Каченовского, он писал в согласии с его вкусами и убеждениями; расставшись

с ним, он изменился вполне; разница бросалась в глаза и современникам; переменялся не только стиль на более благородный и отчетливый, но и самые отношения. До 30 года, года прекращения «Вестника Европы», он был открытым врагом Пушкина; с 31 г., выступив в своем «Телескопе», поднял голос за Пушкина; таким образом можно подозревать, что он был не вполне искренен на страницах «Вестника Европы». На эту неискренность указывает еще Кс. Полевой. «Надеждин явился в Москву с целью получить место профессора и нуждался в чем-нибудь ходатайстве за свою диссертацию; разгадав характер Каченовского, он притворился его приверженцем. Каченовский же давно злобствовал против Пушкина за его сочинения, которых не ценил, и больше всего за эпиграммы, но по слабости здоровья не мог выступать журнальным борцом. Надеждин предложил ему свои услуги и поднял свое гонение»... «Сначала мы думали, – свидетельствует Полевой, – что под завесой нового псевдонима пишет сам Каченовский: так умел Надеждин перенять у него взгляды, мнения и даже слог». Но диссертация прошла в факультете, «Вестник Европы» пал, Надеждин выступил самостоятельно и здесь изменил себе – тому Никодиму Надоумке, которым он выступал в «Вестнике Европы».⁵ Биограф Погодина склоняется к убеждению Полевого, «не имея духа» говорить о «возмутительной критике» без глубокого негодования.⁶ Но такое обвинение, устраняющее присутствие всякого серьезного убеждения, устраняющее присутствие всякого серьезного убеждения в обличительно-критических статьях Недоумки, должно быть ограничено. Правда, основав свой «Телескоп», Надеждин сразу признал значение «Бориса Годунова», между тем как в «Вестнике Европы» советовал его сжечь. Но, во-первых, Надеждин и раньше относился к Пушкину не совершенно отрицательно, признавая в нем лишь яркого жанриста, без всякой глубины и высоты полета, – эта мысль слишком очевидно проходить во всех статьях Недоумки наряду с другими излюбленными теоретическими и обличительными мыслями критика; во-вторых, в новом журнале он отрекся от развенчивания лишь «Бориса Годунова», а это не было собственно в прямом противоречии с прежними взглядами критика на поэта. «Борис Годунов» вызвал подобную же перемену в отношениях к пушкинскому творчеству и в другом шеллингианце – Веневитинове. Все шеллингианцы сходились на том, что в своей трагедии поэт сделал решительное сближение с народностью. Народность была точкой опоры и Надеждина. Критики «Московского Вестника» были, конечно, тоньше и разборчивее, они разгадали и в «Полтаве» начало нового периода; но они слышали уже трагедию, когда судили о «Полтаве». Кроме того, и Веневитинов, несмотря на свою тонкость, не понял первой главы «Онегина», перенеся подражание с героя на писателя. Когда же

⁵ Записки Кс. Полевого. 255 – 257.

⁶ Барсуков. II. 341 – 344, 349. То же мнение поддерживает г. Ив. Иванов.

появились первые выходки Надеждина, один из друзей и приверженцев Пушкина – Погодин писал Шевыреву. «Надеждин вооружился против Пушкина и говорил много дела между прочим, хотя и семинарским тоном»⁷. В виду всех этих соображений и должно заключить, что Надеждин, сотрудничая в «Вестнике Европы», мог заискивать у Каченовского и для того усилить свое отрицательное отношение к направлению пушкинского творчества и в усердии или в увлечении и не заметить, не признать народности в «Полтаве» и даже продолжить сжечь трагедию, которая ему нравилась; только от последнего предложения и отрекся Надеждин в «Телескопе», повторив, что он никогда не отрицал огромного таланта Пушкина, предъявлял ему лишь высшие требования.

Появлению статей Надеждина предшествовала неприязненная статья в «Атенее», о которой сам поэт вспоминал именно в этом смысле.⁸ Это был отзыв о 4 и 5 главах «Онегина»; критик писал: «Прошло, кажется, счастливое время, когда критик, рассматривая какое-нибудь стихотворение, развертывал благоговейно курс Пиитики, отыскивал род и вид, к которому сочинение по названию принадлежало, сличал правила с произведением и, по количеству точек соприкосновения, произносил приговор свой. В наш век работа критика сделалась труднее: он часто имеет дело с таким сочинением, о котором ни автор не может дать отчета, почему оно так написано, ни читатель – объяснить себе, почему оно ему нравится. Название романтическое вырывает стихотворение от всех притязаний здравого смысла и законных требований вкуса... По изданным пяти главам «Онегина», конечно, мы не вправе еще заключить о качестве плана целого; но можем видеть качество характеров, выведенных для действия, и способ, как это действие раскрывается... Какие характеры созданы в «Онегине»? Евгений избалованный, ветренный... читает предлинное наставление Татьяне, в котором нет и тени языка разговорного. Катон с одной сестрой, он в то же время Ольге, невесте своего приятеля «наклонясь шепчет нежно какой-то пошлый мадригал и руку жмет». Тихий мечтательный Ленский за то, что друг его провальсировал лишний раз с его невестой, «выходит с ним на дуэль». Бесстрастная Ольга, помолвленная за Ленского, после того, как Владимир сладостной неволе предался полною душой и пр.», накануне почти свадьбы, при первой ласке Онегина, забывает жениха... Печальная Татьяна, раз и то мельком, видевши молодого мужчину, пишет ему, спустя полгода, самое жалкое письмо, уверяя, что Онегин послан ей Богом!

Естественно ли все это? Нет характеров: нет и действия. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляет несколько оное. От этого и эти две главы, подобно предшествовавшим, сбиваются просто на описание то особы

⁷ Барсуков. II, 346.

⁸ V. 126.

Онегина, то утомительных подробностей деревенской жизни его, то занятий Ленского, то опять автор принимается за характер Татьяны, хотя об ней опять автор принимается за характер Татьяны, хотя об ней слишком уж много было толковано и во второй главе, то возвращается к природе: описывает осень, зиму. От этого такая говорливость у него; так много заметных повторений» и пр. пр. Статья кончается мелочными придирками к ошибкам в языке и к отдельным мыслям «и сотня других мелочей, которые так заживо цепляют людей, учившихся по старым грамматикам» (заключительные слова статьи). В этой статье как будто пробудился дух первых нападений на Пушкина. Но, в сравнении с обличениями Надеждина, она кажется детским лепетом.

В статьях Надеждина в «Вестнике Европы» можно выделить общие литературные требования, предъявленные критиком, и обличения Пушкина, как крупного таланта, не удовлетворявшего этим требованиям. Первая статья его появилась в «Вестнике Европы» в 1828 г. № 21 и 22: - *Литературные опасения за будущий год*; вторая – в 1829 г. № 1 и 2: - *Сонмище нигилистов*. Это статьи довольно общего характера, лишь намекающие на Пушкина, но в них выражены все основы надеждинской критики. Первая представлена в разговоре автора с «Тленским». На романтические представления о творческом гении своего собеседника, воспитанного на «немецких эстетических теориях», автор отвечает: «Потрудись указать мне в толпе бесчисленных метеоров, возгорающихся и блуждающих в нашей литературной атмосфере, хоть один, в коем бы открывалось сие таинственное парение гения в горнюю страну вечных идеалов, о котором прожужжали нам все уши велеумные журналисты с братией?.. По сию пору близорукий взор мой, преследуя неисследимые орбиты хвостатых и бесхвостых комет, кружащихся на нашем небосклоне, сквозь сбивающий их чад, мог различить только одно, что все они влекутся силою собственного тяготения в туманную бездну пустоты или в оный, созданный гигантской фантазией Байрона страшный хаос»... «Поэзия есть не что иное, как величайшее самоисступление, есть безумие, – возражает Тленский, - отсутствие связи порядка и цели в новой поэзии принадлежит природе»... - Ты провозглашаешь природу образцом бессвязи, беспорядка, бесцельности, – продолжает свою речь критик, - потому, что взор твой несилен, подвести беспредельную полноту ее под один всеобъемлющий пункт зрения. Между тем в природе «в дольном мире» великая гармония; ее слышал еще «тонкий слух Пифагора»... Дело искусства подслушивать таинственные отголоски сей вечной гармонии и представляет их внятными для нашего слуха в согласных ритмических аккордах. Это должно составлять первоначальную и существенную тему всякой поэзии... От чего мрамор, одушевленный под резцом Фидиев и Лисиппов, расширяет души зрителей сладким восторгом?.. От того, что рука художника, совокупив в нем различные черты, коих союз неощутителен в природе, осветила их магическим светом, пробуждающим предощущение их внутреннего сокровенного

единства!.. И чем легче, чем свободнее душа наша подразумевает сие единство, тем совершеннее произведение! Это-то называется на мистическом языке немецких эстетиков идеализированием или творением по идеалам!.. Идеал у них означает фантастическую цельность идеи, воплощаемой художником в его творческом произведении. – Теперь спрашиваю тебя: замечательно ли подобное возвышенное идеализирование в хламе мелочных орифмованных блестяшек, засоривающих беспрестанно Парнас наш?.. Имеют ли многие из записных писак наших, бредящих беспрестанно идеалами, хотя малейшее предощущение об них в то время, когда разрождаются без всяких болезней и трудов недоношенными своими произведениями?.. Сии маленькие желтенькие, синенькие и зелененькие поемки, составляющие теперь главный пиитический приплод наш несмотря на щеголеватую наружность, в коей они обыкновенно являются не суть ли только ефемерные призраки, возникающие из ничего и для ничего по прихотям зевающей от безделья фантазии?.. Это и не удивительно! Лъзя ли ожидать чего-нибудь дельного, связного и цельного от произведений, являющихся рапсодическими клоками, сшитыми кое-как на живую нитку, и светящихся насквозь от множества – ни то искусственных, ни то естественных – скважин и щелей, нисколько не затыкаемых бесчисленными тире и точками? Не бессовестно ли требовать от творения единства и сообразности с идеей, когда сам творец не имеет часто в голове ясного и определенного понятия о том, что он хочет писать, а просто пишет то, что на ум взбредет? Таковы-то едва ли не все нынешние пиитические произведения, в коих услужливые журналисты усиливаются открывать таинственное стремление в страну идеалов». В № 22 (продолжение) на вопрос собеседника: «ты, конечно, читал новую поэму Залетина – Евгений Четвертинский?» критик раздраженно отвечает: «Признаюсь, Бог еще миловал!.. Меня и так уже тошнит с этих Евгениев, которых по справедливости надлежало бы назвать Какогениями или вырожденками доброго вкуса»... - Советую тебе прочесть новую поэму со вниманием и без предубеждения – возражает собеседник. – «Нечего читать, любезный! Видно сову по полету и ворону по перьям. О бедная, бедная наша поэзия! Долго ли будет ей скитаться по Нерчинским острогам, цыганским шатрам и разбойничьим вертепам? Неужели к области ее исключительно принадлежат одни мрачные сцены распутства, ожесточения и злодейства?.. Что за решительная антипатия ко всему доброму, светлому, мелодическому, радующему и возвышающему душу?.. Вот предметы поэзии! великие подвиги и невинные наслаждения человечества... «Изнанка вещественной жизни нашей» также входит в область поэтического изображения, но «в идеальном свете сострадания и несообразности их с нашим достоинством и назначением... Ныне же поэзия бродит по вертепам злодеяний, омрачающих природу человеческую; с какою-то бесстыдной наглостью срывает покров с ее слабостей и заблуждений и любит изведенной на позор срамотой

наилучшего создания Божия»... Не таково первоначальное назначение поэзии, когда тигры укрощались Орфеевым пением и камни воздвигались в храмы; ныне – не то, – «наши певцы вздыхают тоскливо о блаженном состоянии первобытной дикости, услаждаются живописанием бурных порывов неистовства, покушаются ниспровергнуть до основания священный оплот общественного порядка и благоустройства. Бог судья покойнику Байрону... Он виной подобных настроений, хотя и был сам по себе великой самобытной силой. Можно ли поэтому горевать, что сия исполинская сила, душа, для которой рамы действительности были столь тесны, не просветляясь ясным взором на вселенную и не согревалась кроткой теплотой братской любви к своим земным спутникам». Это был одинокий колоссальный Полифем. Как бы ни была ужасна его поэзия, она была исключительным явлением по своей самобытности, поэтому она навсегда останется «великим, хотя и зловещим светилом. Но в том беда, что сия грозная комета увлекла за собой все бесчисленные атомы, вращающиеся в литературной атмосфере, и образовала из них хвост свой». Этот хвост составляют «все наши доморощенные стиходеи а la Bayron. Расплодилось огромное множество поэм, коих вся ткань, исполненная близен и перетык, соплетена из низких распутств и ужас преступлений. Все их герои суть или ожесточенные изверги или заматерелые в бездельничестве повесы. Главнейшими из пружин, приводящими в движение весь пиитический механизм их, обыкновенно бывают: пунш, ай, бордо, дамские ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сену действий составляют: Муромские леса подвижные бессарабские наметы, магическое уединение овинов и бань, спаленные закоулки и фермопилы. Оригинальные костюмы их: «копыта, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавы языки, рога и пальцы костяные». Торжественный оркестр их: визг, хохот, пенье, свист и хлоп, людская молвь и конский топ». Коротко сказать – главный и почти единственный фонд, безрасчетно издаваемый нашими байронистами, составляет все, что только можно выдумать самого чудовищного, отвратительного и грязного, – все изгарины и подонки природы»... На возражение собеседника, что гений свободен в выборе любых черт природы для своих поэтических воссозданий; никакие умозрительные или нравственно-общественные предубеждения не могут останавливать его; все исполненное кипящий жизнью предоставлено его творческой способности,⁹ критик смеется: Как, для гения не должно существовать никакой узды, никакого мерила, никакого правила действия?.. Все явления жизни имеют для него равную цену? Удивительно ли после того, что мастерское изображение влюбленного кота, в пылу неистового вскипания страсти цап-царапствующего свою любимицу, могло составить занимательную эпизодическую картину в одном из

⁹ В этих возражениях собеседника имелись в виду критические взгляды Полевого.

пресловутейших пиитических наших произведений?.. «Мы соревнуем природе!» - вопиют удалые: природа – единственный образец наш!» - Нет, мил<остивейшие> гос<удар>, вы не соревнуете природе а ее передразниваете... Без сомнения, великая картина природы составлена из смешения света с тенями; часто также заблуждения и страсти людские покрывают ее мрачными пятнами. Но разве сии-то тени и пятна должны служить первообразами для соревнующего ей гения? Изрядное соревнование!.. Изображайте природу, но неиспачканную собственным нашим тщанием и трудами, а – в ее первообразной красоте и лучезарности!.. Вам не запрещается, конечно, и оттенять ваши эскизы, по примеру великой художницы-природы; но не забывайте, однако, что изящество картин составляется из светло-тени, а не из одной только тени, мутной и грязной... И у Гете выводятся на сцену «Цыгане», но у него это лишь эпизод в великой идеализированной картине (Гец); притом и «в сии – так сказать – отребья рода человеческого» поэт умел заронить искры нравственного достоинства, свидетельствующие о неизгладимости величия природы человеческой под самым позорнейшим клеймом унижения»... Во второй статье – *Сонмище нигилистов* – Надеждин развивает мысль о роковой пустоте, т.е. ничтожестве и бессодержательности современных поэтов, которые представились поэтому его воображению сонмищем нигилистов. Эти нигилисты вдруг ворвались в комнату, в которой он пировал со своим другом Конторкин, в сопровождении Тленского (собеседника первого разговора). Критик в ужасе бежит от них, из дому на улицу, не разбирая дороги, и думает: «Исчадия Хаоса суть безобразный Ерев и мрачная Ночь! Да и может ли быть иначе? Чего другого ожидать от этих голов, представляющих собою опытное доказательство старинного философического парадокса о пустом пространстве?.. Упоение, производимое Ипокреною вдовы Клико или Моэта, часто, конечно, возбуждает брожение в сих новых Тогувабогу; но это – фальшивые потуги! Еще со времени Фалеса ведется философическая поговорка: из ничего ничего не бывает! Она оправдывается теперь непреложными опытами. Наш литературный хаос, осеменяемый мрачною философией ничтожества, разражается Нулиными! – Множить ли, делить нули на нули – они всегда остаются нулями!..»

Граф Нулин с присоединением «Бала» Баратынского, изданных одной книгой, стал предметом отдельной статьи Недоумки в следующем номере «Вестника Европы».¹⁰ Здесь и были приложены литературные требования критика к «корифею нашей поэзии» особенно разнузданным тоном, которым статьи и производят впечатления преднамеренного гонения – из расчета или недоброжелательства. Критик писал: «Отважимся бросить взгляд на сие драгоценное произведение, в котором, как в микрокосме, отпечатлевается тип

¹⁰ Вестник Европы, № 3, 1829. Г. Зелинский. II, 194 – 201.

всего поэтического мира, им сотворенного! Но с чего начать обзор наш?» Граф Нулин не имеет центрального места: «это есть кружочек, коего окружность – везде, а центр нигде!.. Если имя поэта (ποιητής) должно оставаться всегда верным своей этимологии, по которой оно означало у древних греков творение из ничего, то певец Нулина есть par excellence поэт. Он сотворил чисто из ничего сию поэму. Но зато и оправдалась над ней во всей силе древняя аксиома ионийской философической школы... что из ничего ничего не бывает... Граф Нулин есть нуль, во всей математической полноте значения сего слова... Он не возбуждает никаких ожиданий, кроме чисто нулевых. И мы, не без сердечного, конечно, раскаяния, в позволяемом себе кощунстве, можем сказать языком великого Галлера: «Взгромождаю нули на нули, умножаю их, возвышаю в бесчисленные степени: и ты нуль! остаешься всегда весь, всегда равен себе предо мною!..» Что тут анатомировать?.. Мыльный пузырь, блистающий столь прелестно всеми радужными цветами, разлетается в прах от малейшего дуновения... Что же тогда останется?.. тот же нуль, но вдобавок еще бесцветный... № Вот первое ложное положение критика по отношению к Пушкину: случайная поэтическая безделка, возникшая из шутливого намерения, была сочтена типическим выражением творческой мысли поэта. Это искусственное обобщение понадобилось Надеждину, конечно, затем, чтобы ярче выдвинуть свою мысль о бессодержательности русской литературы. Вторым положением критик вступал в борьбу с основным пристрастием пушкинской мысли, с основной литературной идеей; это было местом действительного столкновения двух несогласных точек зрения.

Еще в *Литературных опасениях* Надеждин высказался против реализма в поэзии, предлагая взамен идеализацию действительности; теперь он, признавая в Пушкине исключительную способность поэтической изобразительности, во «фламандском вкусе, отрицал такой реализм совершенно и против него направил свою насмешку. Исходя из этого, критик обвинял Пушкина в том самом, в чем обвинял его, при появлении первой поэмы, «Вестнике Европы» и другие журналы подобных же сочувствий – в непристойностях. Пушкин не стеснялся ими в свободном отношении к действительности, в стремлении быть верным ей. Надеждин отрицал их в борьбе с реализмом. «Никто не может отрицать пальму поэтического живописца у певца Нулина – пишет Надеждин в той же статье. Его произведения – и кто не знает их наизусть! – исполнены картинами, схваченными с натуры рукою мастерскою, одушевленной и – даже иногда слишком верною. Граф Нулин представляет непрерывную галерею подобных картин. Самое начало повести есть образец живописи, коей не постыдились бы знаменитейшие мастера фламандской школы: (выписано: «Пора! Пора, рога трубят и пр.»). Не правда ли прекрасно?..» После следующих стихов: «Меж тем печально под окном индейки с криком выступали во след за мокрым петухом; три утки полоскались в луже. Шла баба через грязный двор белье

повесить на забор...» - критик продолжает: «это уже – не первой (картине) чета! Здесь изображена природа во всей наготе своей à l'antique! Жаль только, что сия мастерская картина не совсем дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две, три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышных диванах топучей грязи, в блаженном самодовольстве и в совершенной Епикурейской беззаботности о всем окружающем их, могли бы даже сообщить нечто занимательное изображенному зрелищу?.. Почему поэт, представляя бабу, идущую развешивать белье через грязный двор, уклонился несколько от верности, позабыв изобразить, как она со всем деревенским жеманством приподнимала выстроченный подол своей грязного моря волною?.. Это едва извинительно в живописце великом и всеобъемлющем!.. И, наконец, после упреков в непристойности, которая является следствием такой нестесненной верности природе, критик говорит: «Мало ли в натуре есть вещей, которые совсем нейдут для показу?.. Дай себе волю... пожалуй, залетишь и – Бог весть – куда! – от спальни недалеко до девичьей; от девичьей до передней; от передней до сеней; от сеней – дальше и дальше!.. Мало ли есть мест и предметов еще более вдохновительных, могущих представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивых делателей!.. Немудрено дожидаться, что нас поведут и туда со временем! - ...Сцена, происшедшая между графом и Нат. Павловной, без сомнения, очень смешна, критик и сам смеялся». – «Но каково покажется это моему почтенному дядюшке, которому стукнуло уже пятьдесятЮ или моей двоюродной сестреЮ которой невеступно еще шестнадцать; если сия последняя (чего Боже упаси!), соблазненная демоном девического любопытства, вытащить потихоньку из незапирающегося моего бюро это сокровище?.. Греха не оберешься...»

В статье о Полтаве в № 8 и 9 за 1829 г. Надеждин высказывается о Пушкине окончательно¹¹: «Никто больше меня не любит цветущего игривостью изображения, доставшегося Пушкину в стол роскошном изобилии!.. Его картины, несмотря на грязные пятна, коими они обыкновенно бывают запачканы, обнаруживают талант мощный, богатый...» Но критик не может согласиться, что Пушкин – гений. «Отличительная черта гения есть оригинальная самобытность. Его солнце есть идеал вечной красоты! Он может составлять звено в планетной системе гениев, обращающихся вокруг одного средоточного начала; но никогда не может и не должен быть спутником другого гения!» Пушкин же «обращается не окрест себя, а окрест высшего солнца» т.е. Байрона. Гений это – творческий, зиждительный дух, воззывающий из недр своих собственные, самородные и самообразные изящные формы для воплощения вечных идей, созерцаемых им во всей

¹¹ Зелинский, II, 167 – 185.

небесной их лепоте!» С этой точки зрения, неуместно употреблять выражения: творить и созидать, когда дело идет о произведениях Пушкина.

Ах! Любезные друзья мои! Для гения не довольно смастерить Евгения!» Пушкина невозможно сравнивать с гениальным Байроном: «он не перерос еще скудной меры человечества: и душа его даже слишком дружна с земной жизнью... Его герои – в самых мрачайших произведениях его фантазии – каковы «Братья разбойники» и «Цыгане» - суть не дьяволы, а бесенята»... Так и в последней поэме «Мазепа» «есть не что иное, как лицемерный, бездушный старикашка»... Поэт взялся не за свое дело, - не по силам; и за этим утверждением Надеждин произносит свое решительное определение музыки Пушкина: «Это есть, по моему мнению, резвая шалунья, для которой весь мир ни в копейку. Ее стихия – пересмежать все – худое и хорошее... не из злости или презрения, а просто – из охоты позубоскалить... Поэзия Пушкина есть просто – пародия. Нечего Бога гневить!.. что правда, то правда!.. мастер посмеяться и посмешить, когда только, разумеется, знает честь и меру! И ежели можно быть великим в малых делах, то Пушкина можно назвать по всем правам гением на карикатуры!.. Лучшее его творение есть граф Нулин!.. Здесь поэт находится в своей стихии: и его пародийный гений является во всем своем арлекинском величии... Привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный вид, не изменяя самому себе: вероломные гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддельной сановитостию За примерами не за чем ходить далеко: развернем «Полтаву»!.. «Весь механизм поэмы движется на «усах Мазепы»! В поэме нет и духа народности. «Друзья мои! – восклицает критик, - народность не состоит в искусстве накидывать русские пословицы и поговорки, где ни попало!.. Чтобы быть народным, надобно уловить дух народный: а он – не продается, подобно газам в бутылках!..» Вся поэма есть акт пушкинского падения во всяком отношении: «и в отношении к наружной отделке его «Полтава» несравненно ниже всех прочих его произведений»... В следующей статье по поводу седьмой главы «Евгения Онегина»¹² Надеждин опять настойчиво повторяет, что его цель дать настоящее беспристрастное определение высокого таланта Пушкина: «Стихотворческий талант Пушкина есть сокровище неподдельное, с которого цена никогда спастись не может! Не усиливайся только он придавать ему фальшивого блеска насильственной примесью веществ чуждых. Ввалились опять в свою колею – иди своей дорогой: и я уверен, что Пушкин заиграет опять блестящей звездой на горизонте нашей словесности... Для этого должно разбайрониться добровольно и добросовестно. Сжечь Годунова и докончить Онегина»... В одном Онегине только – после «Руслана и Людмилы» - видит критик талант Пушкина на своем месте: «ему не дано

¹² «Вестник Европы», 1880. № 7. Зелинский III. 18 – 37.

видеть и изображать природу поэтически с лицевой ее стороны, под прямым углом зрения: он может только мастерски выворачивать ее наизнанку».

Все, что есть в поэзии Пушкина фламандского, Гогартовского, то превосходно, «прелестно, бесподобно». Так приветствовал Надеждин пушкинский реализм... Следующей статьей было признание «Бориса Годунова», который не имеет успеха в публике, потому что поэт «переменил тон и сделался постепеннее... он теперь гудит, а не щебечет».¹³ Таким образом, Надеждин переусердствовал в Вестнике Европы». Но гонение было уже поднято, чья-то цель была достигнута. С этих пор наступило решительное охлаждение к великому поэту.

При появлении первых статей Надеждина, Пушкин ответил несколькими эпиграммами против Каченовского. Надеждин упомянул о них в статье о «Полтаве»: «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина! Ему назначено было здесь испытать судьбу Карла XII!.. И – какая чудная аналогия! Северный Александр, проиграв Полтавское сражение, пустился в ребяческие фарсы, недостойные его гения и славы... Карл XII литературного нашего мира точно так же изволит забавляться после Полтавы: он ударился в язвительные стишонки и ругательства»! «Два, три камешка, пущенные им из телеграфической пращи», так называет дальше критик две эпиграммы, напечатанные Пушкиным в то время.¹⁴ Ответом на эти упоминания послужила еще одна эпиграмма Пушкина: «Как сатирой безымянной и проч.». Затем явилось еще две эпиграммы.¹⁵ Не может быть сомнения, что статьи Надеждина произвели на поэта впечатление тягостное, отразившееся вскоре на его отношении к «толпе». Стихотворение «Поэту», в котором говорится о *суде глупца* и о *смехе толпы холодной*, относится именно к этому времени (1830 г.). Павлищев передает со слов матери два разговора с нею Пушкина. По возвращении из ссылки, поэт вообще был в тяжелом настроении, предаваясь грустным предчувствиям, мечтая покинуть Петербург. Прочитав сестре свое стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» он сказал: «Хуже горькой полыни напрокутило мне житье на земле; нечего сказать, знаменит день рождения, который вчера отпраздновал: родился в мае и век буду маяться». При этом Пушкин зарыдал; сестра стала утешать его: «Не будь бабой, Александр, перестань плакать, и спрашивается из-за чего? Из-за каких-нибудь пошлостей журнальной ракальи?»¹⁶ Если, действительно, этот разговор относится к 27 мая 1828 года, то сестра поэта не могла иметь в виду статей Надеждина, которые появились лишь в ноябре того же года, но, может быть, ту статью в *Атенее*, о которой Пушкин вспоминал, как о первой

¹³ Телескоп, 1831 № 4. Зелинский III. 74 – 92.

¹⁴ М<осковский> Т<елеграф>. 1829. № 7 и 8; «Подснежник» 1829; Соч. II, 78 – 79.

¹⁵ II, 80 – 81.

¹⁶ Записки Павлищева, 98.

неприязненной статье, направленной на него впервые после долгого одобрения. Таким образом, уже этот несочувственный отзыв подействовал на поэта тягостно (если племянник не ошибается в показании); но, разумеется, он не мог идти в сравнение в обличениями Недоумки, появившимися к концу года. Павлищев разговор поэта с сестрой записывает от этого времени. Зимой 1829 года она стала замечать не только грустное, но и желчное настроение брата. Она увещевала его: «напрасно, Александр, портишь свою кровь эпиграммами на всякую ракалю. Ставь себя, ради Бога, выше ее! Злишься попустому и ничего со злости не ешь, а какому-нибудь Каченовскому или Кочерговскому, как ты его прозываешь, твои эпиграммы, как с гуся вода».¹⁷

По возвращении с Кавказа Пушкин предавался тем же чувствам. «Меня злят поминутно, - говорил он сестре. – Именно мне нет отдыха, ни срока (*ni répit, ni repos*). Не говорю уже – извини за выражение – о подлеце-каналье критике моей «Полтавы», критике, который приплел сюда такого же дурака, как сам он, Пахома Силина Правдина. Пошлый, пошлый дурак вместе со своим Пахомом. Не понимаю также, что за плюху закатил тому же зоилу мой граф Нулин? Верно граф Нулин, получив пощечину от Нат Павл., рассердился, да с досад и залепил этому господину, в свою очередь, плюху во все ухо»!¹⁸ Так раздраженно относился поэт к гонению, поднявшемуся на него; поэтому тот сдержанный, спокойный тон, которым он говорит сам в своих заметках о тех же обстоятельствах, не должен обманывать нас: как в тех стихотворениях, в которых Страхов почувствовал болезненное горькое чувство обиды за образами и выражениями, даже величественными, так и в критических заметках, касающихся этих обид, не трудно услышать кипение горьких чувств.

В 30-м году, вынужденный просидеть безвыездно несколько месяцев в Болдине, Пушкин написал ряд критических заметок, в которых объясняет свои отношения к критике и отвечает на некоторые нападки, наиболее остановившие его внимание.¹⁹ Не отвечать на критики поэт считает «обыкновением весьма вредным, обидой и недостойной гордостью»... «Будучи русским писателем – признается великий поэт – я всегда почитал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего противника и следовать за его суждениями, не отвергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ним согласиться со всевозможным авторским самоотвержением; к несчастью замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня

¹⁷ Там же, 104 – 105.

¹⁸ Там же, 162.

¹⁹ V, 110 и пр.

каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверюсь, что труды их не пропали. Если в течение 16-ти летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уже о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения. Состояние критики само по себе доказывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значило бы презирать публику (чего, Боже сохрани!). Как наша словесность с гордостью может выставить перед Европой историю Карамзина, несколько од, несколько басен, поэм, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии, так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло... Можно не удостаивать ответа своих критиков, когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но не должно оставлять без внимания, по лености или добродушию, оскорбления личные и клеветы, ныне, к несчастью, слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения...»²⁰

Затем поэт отражает нападения. Разбор в «Атенее» удивил его «хорошим тоном, хорошим слогом и странностью привязок»; критик не понимает «самых обыкновенных риторических фигур»; кроме того ему недостает знания народного языка; и поэт обращает критика к «изучению старинных песен, сказок и т.п.», необходимому «для совершенного знания свойств русского языка: критики наши напрасно ими презирают».²¹

Надеждину Пушкин отвечал на обвинение в непристойности, которое явилось у критика на почве отрицательных отношений к литературному реализму, а также на почве пуританского понимания общественной нравственности.²² «Бедную сказку нашли непристойной. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как смеет писать такие отвратительные гадости?...» Но если критики не знают западных творцов шуточных поэм (не говоря уже о древних), ужели по крайней мере не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить Душеньку в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать Модную Жену, сей прелестный образец легкого и шуточного рассказа? А эротические стихотворения Державина? Но, отстранив первенство

²⁰ Там же.

²¹ Там же, 126.

²² V. 122 – 123.

поэтического достоинства, «Граф Нулин» должен им уступить и в вольности, и в живости шуток. Эти гг. критики – продолжает Пушкин – нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая и все, что по благоусмотрению родителей не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным... Как будто литература и существует только для 16-тилетних девушек!...» Но «Граф Нулин» не есть сочинение безнравственное: «Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастье или достоинство человеческое. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижает поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу – в отвратительную колдунью». Искреннее и чистое воображение создало повесть: в этом ее совершенное оправдание и разница от безнравственных сочинений, основанных на чувственности. «Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутною игрой воображения, может показаться безнравственною только тем, – заключает поэт, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие». В следующей заметке²³, представив в мнимом разборе Расиновой Федры живую пародию на критику Надеждина, поэт добавляет: «Но должно ли и можно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни?». Здесь заключается, конечно, намек на латинскую диссертацию Надеждина. В следующих словах поэтом, видимо, владеет чувство обиды: «Не так ли (т.е. как в пародии, сочиненной Пушкиным), хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно, не равные достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении? А приятели называют этот вздор глубокомыслием». Одним из этих приятелей был и Погодин, находивший, что Надеждин говорил о Пушкине «много дела». Это осуждение за неблагопристойность изумительно для Пушкина: «Отчего происходит это мещанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей в гости к петербургской барыне, заседательницы в гостях у приезжей горожанки»?..²⁴ Поэт, уже высказавшийся однажды за первобытную грубость выражений, сродную духу народному, высказывается теперь в том смысле, что «вычурное жеманство и

²³ Там же. 123 – 126.

²⁴ На этот вопрос Пушкин дает прежде всего прямой ответ, который, однако, звучит слишком полемически и притом едва ли имеет в виду Надеждина: «Оттого, что нашим литераторам хочется доказать, что они принадлежат высшему обществу (high life), что им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тому и поведению принадлежать к хорошему обществу (bonne société)»? На таком приговоре надо видеть отражение других полемических отношений на почве других интересов.

напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность... Откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем, как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы общую и невольную улыбку? Хорошее общество может существовать и не в одном кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные». Таким образом, поэт желал ввести в литературные отношения не истинный аристократизм взамен поддельного, но благородство тона, свободного, естественного и искреннего. «Недавно один исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней наших дам от fashionable tales и исторических записок. Что же? Газета важно дала заметить автору, что в простонародных сценах находятся слова ужасные: сукин сын. Возможно ли? Что скажут дамы, если, паче чаяния, взор их упадет на это неслыханное выражение? Что бы они сказали Фон-Визину, который императрице Екатерине читал своего Недоросля, где на каждой странице эта невежественная Простакова бранит Еремеевну собачьей дочерью? Тоже напали на «Графа Нулина» за неблагопристойность, между тем как «все петербургские дамы прочли ее и знали целые отрывки наизусть». Последние выражения повторены Пушкиным и в Отрывках романа в письмах: «Я тоже заглянула в журналы... Смешно видеть, как там важно упрекают в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все петербургские недотроги».²⁵ Смысл этих выражений – и в том, и в другом случае – тот, что критика слабее и публики. В одном из набросков к «Египетским ночам» есть такой разговор: «что ж это за черта?» - Не могу, мудрено рассказать. – «А что разве неблагопристойно?» - Да, как почти все, что живо рисует ужасные нравы древности. – «Ах, расскажите, расскажите!» - Ах, нет, не рассказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опутив чопорно огненные свои глаза. – «Полноте, вскричала хозяйка с нетерпением. Qui est-ce donc que l'on trope ici? Вчера мы смотрели Antony, а вон там, у меня на камине, валяется la Phesilogie du Mariage. Нашли чем нас пугать...Неблагопристойно! Перестаньте нас морочить, Алексей Иванович! Вы не журналист... Расскажите просто, что знаете про Клеопатру; однако, будьте благопристойны, если можно...»²⁶ В этом разговоре кратко и здраво выражено все отношение Пушкина к этому предмету: «расскажите просто все, что знаете... будьте благопристойны, если можно»... Сюжет «Египетских ночей», как рисующий «ужасные нравы древности», потребовал пренебрежения условной благопристойностью для достижения истины, правды в искусстве, - и поэт пренебрег...

²⁵ IV, 353.

²⁶ IV, 401.

Легко понять, сопоставив склонность Пушкина к реализму и склонность Надеждина к идеализации природы в искусстве, почему один допускал то, чего не допускал другой. Идеализация ограничивала область природы тем, что признавала в ней лишь соответствующее идеалу, который создан был идеологической, теоретической мыслью. И как ни странно, но эта идеализация природы, конечно, в просвещенном, в углубленном виде, сходилась с «подражанием изящной природе», которая также исключала из области искусства то, что не отвечало изящному вкусу, идеальному критерию академической эпохи: ложный классицизм и романтизм (в известном своем типе) совпали. Любопытно, например, что и та, и другая точка зрения последовательно привела к требованию благопристойности, т.е. исповедовала мораль в том же ограниченном понимании: Надеждин имел с Каченовским действительные точки соприкосновения. Противоположность пушкинских вкусов вкусам и того, и другого слишком очевидна из всего, что было сказано о реализме Пушкина.

Пушкин должен был быть настоящим противником Надеждина не потому только, что критик предъявил поэту высшие требования (такие же требования предъявил и Веневитинов и не упал от того во мнении Пушкина); не потому, что Надеждин поднял беззастенчивые гонения на него: поэт простил их, когда критик, основав свой журнал, принял другой, более доброжелательный тон; но, и простив, Пушкин никогда не сошелся с ним, навсегда остался чужд ему: они стояли на двух противоположных точках зрения.

II

Виднейшим представителем тогдашней журнальной черни был Булгарин, который стал вторым, сильнейшим и упорнейшим, врагом Пушкина, истинным гонителем его.

Судьба этого второго литературного врага Пушкина замечательна. Полную характеристику его дает Греч, в справедливости которой можно не сомневаться: если бы даже он скрыл или умалил кое-какие темные черты своего друга, портрет достаточно непривлекателен.²⁷ Булгарин был польского происхождения, имел большие способности и учился хорошо; по окончании курса в корпусе поступил в гвардию. Служа офицером, он был принят во многих хороших домах в Петербурге, особенно – в польских. Он участвовал в трех походах и хвастался потом своей храбростью, но, кажется, без основания. В Кенигсбергском лазарете, где лежал он раненый, поляки наполеоновой армии соблазняли его перейти на сторону французов, но Булгарин не согласился. По возвращении в Петербург, он стал скучать гарнизонной

²⁷ Записки о моей жизни. Греча. XII. 435 и дальше.

службой и вести себя слишком вольно, за что подвергался частым взысканием. Наконец, вышедши в отставку, он приехал в Варшаву и передался там на сторону французов, что по тогдашним политическим условиям, – говорит Греч в оправдание своего друга, – не было вполне изменой: «Россия была тогда с Францией в дружбе и в союзе». Но «благородные товарищи Булгарина» не могли простить ему этого, и «честный Кошкуль» назвал его подлецом; Греч соглашается с приговором товарищей, «если судить судом совести и по общему закону чести...» Таким судом судим, конечно, и мы. Дальнейшая судьба Булгарина становится еще замечательнее. По окончании войны с Францией, Булгарин, по воле вел. Кн. Константина Павловича, был принят ласково в стране, которой изменил. Вернувшись в Россию, Булгарин приобщился к общему движению умов Александровской эпохи. Он был в то время не тем, чем стал после: он был умен, любезен, гостеприимен; он искал дружбы людей благородных; однако, и тогда не пренебрегал он людьми другого рода и не того движения, к которому примкнул: сошелся с Магницким, Руничем, с Аракчеевым и приближенными к нему. До 1828 г. Булгарин вел процесс, очень продолжительный и путанный, который и развратил окончательно его душу, приучив к «низкопоклонству, лести, хвастовству и хлебосольству с определенной целью». Эти отношения, обусловленные обстоятельствами его жизни и свойством его занятий, «произвели в его уме смешанную теорию правил войны, сутяжничества и литературы». Вскоре он обратился и к самой литературе, видя в ней средство приобретать известность и деньги; следовательно его занятия литературой были вызваны побуждением корыстным. Он не был дурным человеком: он был добр и сострадателен; он был умен, его дружбу разделяли такие люди, как Грибоедов или Рылеев. Но добрые свойства его с каждым годом все уходили, а дурные развивались. «В самой основе его характера, – говорит его друг, – лежало что-то дикое и зверское. Иногда вдруг он ни с того, ни с сего, или по самому ничтожному поводу впадал в какое-то исступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства. Когда, бывало, такое исступленное состояние овладеет им, он пустит себе кровь, ослабеет, и потом войдет в нормальное состояние».²⁸ Образование его было ничтожное; в 1820 г. он еще не вполне владел русским языком и бумаги писал с помощью подъячих. Начав издавать Северный Архив,²⁹ он обнаружил в одно время и журнальную сноровку и большое невежество: помещало любопытные статьи и смешивал события. Потом небольшие сатирические очерки составили ему имя; Греч сглаживал их слог. С 1825 г. в сотрудничестве с Гречем он предпринял издание Северной Пчелы, политической газеты. Поощренный успехом своих сатирических очерков, задумал Ив. Ив. Выжигина, роман

²⁸ С 1829 г. журнал был соединен с «Сыном Отечества» Греча.

²⁹ Записки Греча. 448.

нравов. Он писал его «долго и рачительно» и имел успех; в 1830 г. издал он Дмитрия Самозванца; затем по заказу книгопродавца, обольщенного успехом Ив.Ив. Выжигина, сочинил Петра Выжигина, но роман «не принес выгоды». Начав издание Северной Пчелы, Булгарин вступил скоро в неприязненные отношения как с представителями художественной литературы, так и с журналистами: сперва с Полевым, затем с Дельвигом; разрыв с последним и стал поводом острой полемики с Пушкиным.

Необузданный Булгарин постоянно ссорился со своими сотрудниками. В числе их был О.М. Сомов, человек небольшого таланта, но благородный и образованный. Он чрезвычайно нуждался в заработке и усердно писал для Северной Пчелы два года. Вдруг Булгарин рассердился на него, раскричался и прогнал от себя. Сомов обратился за работой к Дельвигу, который начал издавать Литературную Газету, Дельвиг дал ему место в редакции. Булгарин испугался, опасаясь расплаты за свой поступок. Встретив как-то Сомова, он спросил его: «Правда ли, Сомыч, что вы пристали к Дельвигу?» - Правда! – «И вы будете меня ругать?» - Держись... «Эти слова, как искры, взорвали подкоп в сердце и в голове Фаддея. Воротившись домой, он сел за письменный стол и написал статью на объявление о Литературной Газете, стал бранить и унижать ее еще до выхода первого номера»³⁰. С того же времени стал его врагом и Пушкин, столь близко стоявший к Дельвигу и его Литературной Газете. Подробности этих отношений передаются Гречем лишь приблизительно; более точно изложено дело у акад. Сухомлинова, однако, не полностью.³¹ Вот ход этих отношений во всех подробностях, как они развивались шаг за шагом, за весь этот значительный год, в который столкнулись все партии и все страсти, когда против Пушкина соединились в одном сомнительном союзе Булгарин и Полевой. Сам Пушкин впервые открыто выступил журнальным бойцом в журнале, предпринятом им и его друзьями, из которых Дельвиг стоял во главе издания, с целью подорвать влияние непризванных и корыстных служителей литературы и общества. В том же году обличал Пушкина в бессодержательности и легкомыслии Надеждин (о чем шла уже речь в предыдущей главе); Надеждин был, конечно, литературным врагом и Булгарина, и Полевого. Полевой имел даже особенно враждебные отношения с самим Каченовским; но тем не менее всякий по-своему поднялся против поэта.

Разговор Булгарина с Сомовым, приводимый Гречем, любопытен лишь тем, что указывает на начало борьбы; однако, при выходе № 1 Литературной Газеты Булгарин отозвался о ней довольно сдержанно и без особого недоброжелательства: «Ограничиваемся на первый случай изъяснением искреннего пожелания Бар. Дельвигу всех возможных успехов на поприще

³⁰ Записки Греча, 454 – 455.

³¹ Исслед. и статьи. II т. Полемические статьи Пушкина.

журналиста: благоволения публики, мира с собратьями и занимательности листков. При сем долгом поставляем пояснить недоумение, вкравшееся в объявление об издании сей Газеты. Там сказано: «Писатели, помещавшие в продолжении шести лет свои произведения в Северных Цветах, будут постоянно участвовать и в Литературной Газете». В первом объявлении, разосланном по городам, слова сии были без оговорки; в объявлении же, приложенном к первому номеру Литературной Газеты, пояснено, что издатели журналов, разумеется, не могут участвовать в Литературной Газете». Теперь мы получили письма от двух писателей, прозаика и поэта, не журналистов, которые поручают нам оповестить публику, что и они не могут участвовать в Литературной Газете, хотя и помещали свои статьи в Северных Цветов, ибо участвуют в другом издании. Просим г. Бар. Дельвига не принять этого в дурную сторону и не думать, чтобы мы хотели вредить его изданию, объявляя, что у него не будет столько сотрудников, сколько имен сочинителей в Северных Цветах»...³² В четвертом номере газеты Булгарина помещена была рецензия на Северные Цветы 30 г.; «Никогда книжка не была так тонка, как ныне, говорит рецензент, но зато мал золотник да дорог... Почти все прозаические статьи и стихи прекрасны; но издатели, как видно, опасаясь повредить читателям слишком сильным приемом Изящного, развили состав на воде, подмешав в книжку ровно третью часть знаменитого обзора русской словесности О.М. Сомова. Мы не переменились и, говоря явно Г. Сомову, когда он не мастер этого дела, повторяем и теперь то же самое с новым замечанием. Г. Сомов, быв сотрудником в редакции Северной Пчелы и Сына Отечества, слишком хвалил сочинения издателей, а ныне не будучи сотрудником, принялся бранить. Журналов он не мог еще тронуть, ибо ему стали бы отвечать... Г. Сомов восхваляет до небес журналы Северной Пчелы и Сына Отечества и бранить кого? – Известно Выжигина... Если этот Выжигин жив еще в Крыму, то он поблагодарить г. Сомова за доставление ему для его записок оригинальные черты журнальной приязни. Теперь прихлопнул Выжигина, а в будущем году пристукнет журналы! И дельно»!.. Следует бранчивый разбор Обзора, преимущественно касающийся нападков на Выжигина; отзыв о Пушкине самый благосклонный: «Отрывок из Лит. Летописи, сочинение А.С. Пушкина: это полемическая статья о бывшей распри с Вестником Европы в Московском Телеграфе. Остроумно и забавно». В № 11 – 12 Северной Пчелы Булгарин грубо нападает на Обзор Русской Словесности 1829 г. Киреевского (помещенное в Деннице), оскорбленный отзывом Киреевского, приравнивавшего сочинения Булгарина «Соннику и книге О клопах»³³

³² Северная Пчела. 1830, № 3.

³³ Сочинения Ив. Киреевского. I. 42, 43.

Резкий отзыв о Баратынском, Языкове и др. Булгарин насмешливо заключает: «Жаль, что смертные не станут читать этого Альманаха». К этим словам относится следующая выноска: «В этом же Альманахе находится прекурьезное письмо кн. П.А. Вяземского... В этой статье обруганы все авторы (разумеется, исключая автора Письма и его друзей), и вся русская литература смешана с грязью. Мы будем иметь честь отвечать отдельно Его Сиятельству. Полно молчать!» В № 13 Булгарин возражает Воейкову: «Другую несправедливость сказали вы, объявив, что все прозаики и поэты деятельно участвуют в издании Литературной Газеты. Мы уже говорили, в Северной Пчеле, что это несправедливо. Не все, далеко не все участвуют в этой Газете! Доказательство – самая газета». Далее опять упоминается кн. Вяземский с той же тенденцией: «Кн. Вяземский, хотя и писал разборы, но это были только панегирики своим друзьям и филиппики против несогласных с ним во мнениях». (Эти нападки на кн. Вяземского и вызвали заметку Пушкина в № 10 Литературной Газеты, где он защищает своего друга, особенно в его статьях благородство литературных приемов, конечно, в противоположение Булгарину). Но настоящая ссора Северной Пчелы с Литературной Газетой началась по особому случаю.

Булгарин был чрезвычайно высокого мнения о своих литературных способностях; осуждение своих сочинений принимал он едва ли не за личную обиду: это можно видеть из многих его статей, в которых он говорит о несочувственных отзывах по поводу своих романов. Сам он относился к своим сочинениям с полной авторской беззастенчивостью, прибегая ко всяким средствам для их распространения. Прежде всего о каждом из его романов помещались сочувственные объявления и отзывы в самой Северной Пчеле, после чего газета напряженно следила за успехом романов в журналах, и каждый неблагоприятный отзыв был относим к личному недоброжелательству: автор, по-видимому, не допускал, что его сочинения могли не нравиться, помимо всяких предубеждений. Поэтому понятно, что неблагоприятный отзыв, о Дмитрие Самозванце, напечатанный в Литературной Газете, был принят.³⁴ Булгариным за оскорбление, тем более что он ждал следствий разрыва с Сомовым. Но роковым недоразумением было в этом случае то, что отзыв Литературной Газеты, напечатанный без подписи бар. Дельвига, которому он принадлежал, Булгарин приписал Пушкину. Он имел основание заподозреть в этом Пушкина. Дело в том, что еще до появления романа распространился слух, что автор заимствовал материалы для своего сочинения из Бориса Годунова (который тогда еще не был напечатан). Булгарин знал об этих слухах и тревожно писал по этому поводу Пушкину: «С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я ограбил вашу трагедию Борис Годунов, переложил ваши стихи

³⁴ Сочинения Ив. Киреевского I. 42 – 43.

в прозу и взял из вашей трагедии сен для моего романа! Александр Сергеевич, поберегите свою славу! Можно ли возводить на меня такие небывлицы? Я не читал вашей трагедии, кроме отрывков печатных, я слышал только о ее составе от читающих и от вас. Мне рассказывали содержание, и я, признаюсь, не соглашался во многом. Говорят, что вы хотите напечатать в Литературной Газете, что я обокрал вашу трагедию!.. Для меня непостижимо, чтобы в литературе можно было дойти до такой степени... С истинным уважением и любовью есмь ваш навеки Ф. Булгарин» (18 февраля 1830 г.³⁵).

В тот же день в № 21 Северной Пчелы появилось объявление о выходе романа; в № 22 (февр 20) было напечатано приветствие ему, где, между прочим, говорится так: «Благосклонность, которою пользуется автор Дм. Самозванца у русской и иностранной публики, должна вознаградить его за литературные теории. Дух литературных партий, существовавших и существующих везде, и положение г. Булгарина, как журналиста и читаемого автора, лишают его удовольствия выслушать в России печатный справедливый приговор своим трудам. Кроме того, автор Дм. Самозванца не употребляет никаких известных мер для приуготовления мнения общества и большого света в свою пользу: не читает предварительно своих сочинений в рукописи в собраниях, не задобривает суждения тех, которые имеют у нас в обществе значение, но трудится в тишине кабинета, печатает и отдает свои сочинения на суд беспристрастной публики». Затем, оговорившись, что «неприлично говорить что-либо о сочинениях одного из издателей», рецензент выписывает предисловия и осторожно хвалит мельком самый роман; подписано «Сотрудник Северной Пчелы». Через три недели после письма Булгарина Дельвиг поместил в своей Литературной Газете разбор Дм. Самозванца (№ 14, марта 7). Дельвиг оценил посредственный роман, по справедливости, без всякого раздражения, отмечая все его слабости. Кроме того – в разборе была еще подробность, относящаяся к происхождению Булгарина, которая не могла быть приятна ему. «Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть в картине любитель живописи, писал между прочим Дельвиг; он ищет людей живых и мыслящих и вследствие их жизни и мысли действующих; а место и одежда их должны только довершать очарование искусством обманутого воображения. То же самое желали бы мы найти в романе г. Булгарина... В настоящей жизни, в людях, окружающих нас, мы можем не любить дурных характеров, остерегаться людей подозрительных, презирать глупых и злых, избегать вредных, но в романе виноват сочинитель, если характеры нам не нравятся, ибо от характеров романа требуется одной естественности. Кому бы пришло в голову сердиться на романиста за то, что он представил злодеев, известных в истории злодеями? *Мы еще более будем*

³⁵ Бумаги Пушкина. I. 29; Сухомлинов, II, 267 – 268.

снисходительны к роману Дм. Самозванец: мы извиним в нем повсюду выказывающее пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонения противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящегося выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временных сочиненную писателем русским...

Итак, мы не требуем невозможного, но просим должного. Мы желали бы, чтоб автор, не принимаясь еще за перо, обдумал хорошенько свой предмет, измерил свои силы. Тогда бы роман его имел интерес романа и не походил на скучный, беспорядочный сбор богатых материалов, перемешанных с вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличия. (Следует ряд примеров в подтверждение)... Роман до излишества наполнен историческими именами; выдержанных же характеров нет ни одного. Автор сам, как видно, чувствовал, что по событиям, им описанным, не узнаешь того времени, и впадал поминутно в ошибку прежних романистов, справедливо указанную Вальтер Скоттом: он прерывает ход действия вводными рассказами, всегда скучными»... и пр. Этого неодобрения и личного намека в разборе, приписанном Булгариным Пушкину, было для этого автора достаточно, чтобы ответить прямым личным оскорблением великому поэту, под слишком очевидной маской. С этого недоразумения и началось булгаринское гонение, на которое поэт считал нужным отвечать тем же средством борьбы с низким журналистом. В № 30 Северной Пчелы 11 марта был напечатан в отделе Смесь «Анекдот»; вот он целиком: «Путешественники гневаются на нашу старую Англию (old England), что чернь в ней невежливо обходится с иностранцами и, вместо бранных слов, употребляет название иностранного народа. Но подобные невежды есть везде и даже в классе людей, имеющих притязание на образованность. Tous les gascons ne sont pas en Gascogne! Известно, что в просвещенной Франции иностранцы, занимающиеся словесностью, пользуются особенным уважением туземцев. Мальте-Брун, Деппинг, Гофман и другие служат тому примером. Надлежало иметь исключение из правила; и появился какой-то французский стихотворец, который, долго морочив публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец, упал в общем мнении, от стихов хватался за критику и разобрал новое сочинение Гофмана самым бесстыдным образом. Чтоб уронить Гофмана в мнении французов, злой человек упрекнул автора тем, что он не природный француз и представляет в комедиях своих странности французов с умыслом для возвышения своих земляков-немцев. Гофман, вместо ответа на ложное обвинение и невежественный упрек напечатал к одному почтенному французскому литератору письмо следующего содержания: «Дорожа вашим мнением, спрашиваю у вас, кто достоин более уважения из двух писателей: пред вами

предстают на суд, во-первых, природный француз служащий более усердно Бахусу и Плутусу, нежели музам, который в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины; у которого сердца холодное и немое существо, как устрица, а голова – род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея; который, подобно исступленному, в басне Пильпая, бросающим камнями в небеса, бросает рифмами во все священное, чванится пред чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан; который марает белые листы на продажу, чтоб спустить деньги на крапленых листах, и у которого одно господствующее чувство – суетность.

Во-вторых, иноземец, который во всю жизнь не изменял ни правилам своим, ни характеру, был и есть верен долгу и чести, любил свое отечество до присоединения оною к Франции и после присоединения любит вместе с Францией; который за гостеприимство заплатил Франции собственной кровью на поле битв, а ныне платит ей дань жертвою своего ума, чувствований и пламенным желанием видеть ее славною, великою, очищенною от всех моральных недугов; который пишет только то, что готов сказать каждому в глаза и говорит, что рад напечатать. Решите, м. г., кто достоин более уважения». На сие французский литератор отвечал следующее: «В семье не без урода. Трудитесь на поле нашей словесности и не обращайтесь на пасущихся животных, потребных для удобрения почвы. Пристрастная критика есть материал удобрения; но этот материал – согнивая, не заражает ни зерна, ни плода, а, напротив, утучняет ниву». Утешься, Джон-Буль, не ты один бросаешь камнями и грязью в добрых иноземцев» (Из английского журнала).

В № 35 марта 22, Пушкин развенчивался и как поэт, в рецензии на 7 главу Онегина: «В № 3 Московского Телеграфа на сей 1830 г. объяснено нынешнее состояние общего мнения в литературе и, между прочим, сказано: «Ныне требуют от писателей не одной подписи знаменитого имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего». «Справедливо! Медленное, траурное шествие Литературной Газеты и холодный прием, оказанный публикою поэме Полтава (о которой так остроумно сказано было в № 2 Вестника Европы) служат ясным доказательством, что очарование имен исчезло. И в самом деле, можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава 7 Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава 7 есть произведение сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы нас не убедили в этом... Ни одной мысли в этой водянистой 7 главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complete! Итак, надежды наши исчезли!.. Сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину!» Все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни! Все

вводные и вставные части так ничтожны, что нам верить не хочется, чтобы можно было печатать такие мелочи!» В продолжении этой статьи в № 39 Северной Пчелы (1 апреля) рецензент писал: «...Начинается описание московской жизни и общества. Здесь поэт взял обильную дань из Горя от ума и, просим не прогневаться, из другой известной книги»... Известная книга была, конечно, Ив. Выжигин. В № 20 Литературной Газеты Дельвиг с достоинством опроверг это обвинение. «Обвиним Пушкина и в другом еще важнейшем похищении – насмешливо заключает защитник поэта – он многое заимствовал из романа Дм. Самозванец и сими хищениями удачно, с искусством, ему свойственным, украсил свою историческую трагедию Борис Годунов, хотя тоже, по странному стечению обстоятельств, им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина».

В № 18 Литературной Газеты марта 27 – в статье *Несколько слов о полемике*, конечно, вызванной столкновением Газеты с Булгариным, высказывается высокомерный взгляд на литературные отношения: «У нас многие из авторов худо понимают смысл иностранных слов: Критика и Полемика, по мнению иных одно и то же. Критика – суждение или исследование или разбор творения. Полемика: письменный спор ученый, литературный, теологический. Можно критиковать перед судом публики книгу, какое ни имей понятие о сочинителе ее; но не всегда захочешь вступить в полемику с сочинителем, т.е. в спор, в прение потому что спор есть разговор, а с иным писателем разговаривать не можно, т.е. не должно. Впрочем, и полемика полемике, и спор спору рознь. Между равно благовоспитанными людьми полемика не есть одно и то же, что спор в сенях между лакеями или на улице между черни... По этому соображению образованный человек, застенчивый в отношении к чести своей, не войдет в бой неравный, словесный или письменный, с противниками, которые не научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости. Пойдет ли благородный человек, вооруженный шпагою, драться на поединке с поденщиком, владеющим палкою?.. Не от страха откажется он от боя: оружие его язвительнее; но законы чести, сии необходимые предрассудки общества, определили, что бой на шпагах благороден, а бой на палках унизителен. Английские нравы, может быть, хороши в Англии, но не в литературе: там знатный лорд должен по первому вызову площадного витязя засучить рукава и действовать кулаками. Есть и в литературе площадные витязи, но по счастью, нет здесь народного обычая, повелевающего литературному джентльмену отвечать на вызовы Джон-Буля»... В конце статьи автор сетует на поднявшуюся полемику в журналах: «Большая часть из критических и полемических статей журналов наших статьи не чисто литературные... В них более содержатся чистые и нечистые личности. Незнающий ни сплетней нашей литературы, ни частных домашних тех или других критикуемых авторов, ничего не поймет, читая критику на сочинение, которое он читал. Тут говорят авторы как будто

между собой, а не с читателями, намеками; наречием отдельным. Со стороны слышишь, что они бранятся; но за что, но о чем, на каком языке? Не понимаешь»... Эту статью, надо думать, Пушкин и имел в виду, когда в том же году в двух заметках говорил о необходимости отвечать на полемические нападения. Вопрос, видимо, волновал поэта; он имел другой взгляд на литературные отношения, в которых он, как и в самом литературном творчестве, не хотел видеть проявление чопорного жеманства, но открытое выражение чувств; такого образа действий он и считал нужным держаться – сообразно своему характеру откровенному и порывистому. «Если б я был автор – говорит один из собеседников в воображаемом разговоре – то почел бы за малодушие не отвечать на нападение, какого бы оно рода ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью? Посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и box'овать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая смелость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны».³⁶ В критических заметках, предназначенных поэтов для печати (уже упомянутых), он этими мыслями начинает ряд заметок – в ответ на нападки критики: «Некоторые писатели ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. Редко кто из нас отзовется и подаст голос, и то не за себя. Разве и впрямь они гнушаются своими братом-литератором?.. Если они принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Один писатель извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение, что разница-де между спором и дракой, что, наконец, никто-де не вправе требовать, чтобы человек разговаривал с кем не хочешь разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришел на сходку, то не прогневайся – какова компания, таков и разговор; если шалун швырнет в тебя грязью, то смешно вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать с человеком, который с тобой разговаривает, то это с твоей стороны обида и недостойная гордость»...³⁷

Возмущенный «Анекдотом» Булгарина Пушкин напечатал в № 20 Литературной Газеты (10 апреля) заметку о Записках Видока (полицейского сыщика). Вот в каком виде представлен в ней Булгарин, без упоминания его имени: «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из несчастных, за которыми, по своему званию, обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что

³⁶ V, 109

³⁷ V, 110.

должны быть нравственные сочинения такого человека. Видок в своих записках именует себя патриотом, коренным французом (*un bon français*), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом почетного легиона, возбуждая в кофейных негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (*officiers à la demi-solde*). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? А Видок человек услужливый, деловой).³⁸ Он с удивительной важностью толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де-ла-Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости. «Кто бы мог поверить? Видок честолобив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г. Видока!). Он при сем случае пишет на своих врагов доносы, обвиняя их в безнравственности и вольнодумстве, и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность смешная во всяком другом писателе, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем унижении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода. — Предлагается важный вопрос: Сочинения шпиона Видока, палача Самсона³⁹ и проч. Не оскорбляют ли господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?» Заметка была чрезвычайно резка; намек был понятен тогдашнему обществу, - все узнали в Видоке Булгарина; цензура стала запрещать статьи о Видоке. В то же время в городе распространилась пушкинская эпиграмма: «Не то беда, что ты поляк: Костюшка – лях, Мицкевич – лях! Пожалуй, будь себе татарин, - и в том не вижу я стыда; будь жид, - и это не беда; но то беда, что ты – Видок Фиглярин». Булгарин в расчет помешать распространению позорной клички перепечатал эпиграмму в Сыне Отечества с переменой двух последних слов на свое имя: Фадей Булгарин.

В чем же, однако, был смысл сравнения Булгарина с парижским сыщиком? Кн. П.П. Вяземский сообщает, что с начала 30-х годов Пушкин стал мечтать «положить конец ненавистой монополии Греча и Булгарина». Он выхлопотал разрешение на издание газеты (уже после прекращения Литературной Газеты в 1831 г.), но издание не осуществилось. В октябре 32 г.

³⁸ В № 1 и № 2, С.О. и С.А. помещались Булгариным Воспоминания об А.С. Грибоедове.

³⁹ Рецензия Пушкина О Записках Самсона. Литературная Газета № 5. 21 января.

происходил самый оживленный разговор о той же «монополии» и о необходимости защитить русскую литературу от болгаринской опеки и гнета, (Раздражение возбуждал Булгарин, за Греча раздавались изредка и выражения сочувствия. Известно, что Греч был в союзе с Булгариным по своей сердечной слабости, нуждаясь в средствах для своей большой семьи,⁴⁰ и не всегда был согласен с ним, хотя и поддерживал его в полемических обстоятельствах; ни по душевным своим свойствам, ни по литературным приемам он ничуть не походил на своего друга, отличаясь, скорей, благородством и некоторой серьезностью своей журнальной деятельности. Но как бы то ни было, Греч заявлял себя сотрудником и верным другом Булгарина, и бороться с Булгариным, значило бороться и с Гречем.

С 30 по 33 год враждебные голоса против Булгарина не умолкали – продолжает кн. Вяземский – вражда все росла. Однажды мальчик Вяземский спросил Пушкина, на чем основана эта вражда, действительно ли она законна? И Пушкин тогда рассказал, что «Булгарин, привлеченный к следствию 14 декабря, выпутался из возбужденных против него обвинений, с триумфом настаивая на том, что он никогда и никаким доверием со стороны подсудимых не пользовался. В доказательство же преданности своей он указал на сношения племянника своего с некоторыми из подсудимых, и так опутал своего племянника, что несчастный пострадал и, по мнению Пушкина, пострадал невинно». Вообще все нападки на Булгарина, поясняет кн. Вяземский – вертелись на его сношениях с полицией... Я помню, как отец мой потешался, увидав в Новоселье или в Сборнике ста русских литераторов повесть Булгарина, оканчивающуюся словами: «Я тогда служил в полиции» - и затем подпись Фадей Булгарин. И впоследствии, когда к именам Греча и Булгарина присоединилось имя Сенковского, я доискивался настоящей причины негодования на этих трех публицистов, и единственное разъяснение, которого я мог добиться, это то, что Греч, Булгарин и особенно Сенковский издеваются и закидывают грязью все те высшие политические и нравственные идеалы, которым служил Пушкин и его друзья». Со своей стороны, автор воспоминаний полагает, что источник негодования заключался в том, что «эти публицисты заподозрены были в намерении нравственно и умственно развращать читающую публику; негодование разжигалось убеждением, что цензура и граф Уваров во главе ее поощряет их...»⁴¹

Ак. Сухомлинов заключает, что статья Булгарина, в которой впервые была задета личность Пушкина, была, вероятно, в большой мере рассчитана на то, чтобы повредить Пушкину в его отношениях к шефу жандармов. Есть письмо поэта к Бенкендорфу, которое выражает тревогу по этому поводу; оно

⁴⁰ Записки Греча, XII глава.

⁴¹ Бумаги Пушкина, II. 1 и далее; также отдельная брошюра: Пушкин по документам Остафьевского Архива.

писано 24 марта, т.е. недели через две после появления в Северной Пчеле Анекдота: «Г. Булгарин, имеющий по его словам, у вас влияние, сделался моим жесточайшим врагом вследствие критики, которую он мне приписывает. После гнусной статьи, написанной им обо мне, я считаю его способным на все. Я должен предупредить вас о моих отношениях к этому человеку, ибо он мог бы мне наделать бесчисленных бед.⁴² На это письмо Бенкендорф ответил, что он ничего не слышал и не мог слышать от Булгарина, потому что видится с ним не более двух-трех раз в год.⁴³ Бенкендорф мог быть, конечно, неискренен; кроме того, если он виделся редко с Булгариным, это не значит, что он не мог получать от него никаких сообщений, нужных шефу жандармов, сообщения могли быть и письменные, могли доставляться и через третье лицо, если важный чиновник не допускал к себе слишком близко Булгарина; посредником могла служить и Северная Пчела, в которой обличался Пушкин. У Булгарина, во всяком случае, были отношения с Бенкендорфом, благоволившим к нему. Заботами последнего Булгарин вступил в 26 г. на русскую службу, избавившись от звания «французского капитана», его же ходатайством Булгарин получил бриллиантовый перстень по преподнесении государю Ив. Выжигина.⁴⁴ Все эти данные не дают еще права утверждать, что Булгарин достигал своей цели повредить Пушкину в глазах Бенкендорфа. Сомнительно и то, чтобы Булгарин мог доставить в полицию сведения действительно опасные для Пушкина, как тревожился Пушкин. Не имея никаких средств, кроме общих обличений поэта в безнравственности или в либерализме его молодых годов, обличений, которые не давали, конечно, никакого оружия против Пушкина Бенкендорфу, Булгарин своими происками, надо думать, добивался только личных выгод, для чего он и считал нужным и хорошим средством – унижать Пушкина, пользовавшегося любовью государя, противопоставляя себя, будто бы обиженного и обойденного, несмотря на все свои более существенные заслуги; об этом свидетельствует его письмо к Дубельту, напечатанное у Сухомлинова.⁴⁵ Важнейшей из этих достигнутых Булгариным выгод было то совершенно исключительное, независимое и неприкосновенное положение его, как журнального деятеля, в глазах полиции и цензуры.

Неприятное для Пушкина, прочное положение Булгарина укреплялось еще тем, что к нему благоволил личный враг поэта, гр. С.С. Уваров, министр народного просвещения, ведавший по тогдашнему порядку цензуру. Булгарину позволялось многое цензурой, что не позволялось другим, в числе

⁴² См. также записки Павлищева (207), подтверждающего мнение академика; Сухомлинов, II. 272.

⁴³ Сухомлинов, II. 273

⁴⁴ Сухомлинов, II. 274 – 281.

⁴⁵ Там же. 282.

их – благородным друзьям поэта (сам он подлежал ведению Бенкендорфа).⁴⁶ Так при трудных условиях тогдашней литературной жизни создавалась булгаринская «монополия», особенно в области публицистической мысли. Цензура давала свободу Булгарину, тем самым открывая ему широкое влияние на общество, и стесняла движение высокого искусства и благородной мысли. Переметный, корыстный и низкий поляк, изолгавшийся, изменивший своему отечеству, - под рукой влиятельного немца был благонамеренным достойным гражданином; великий писатель, связанный всем существом своим с корнями нашей исторической жизни, любивший свой народ, признательный за ласку своему государю, человек независимых мнений, отвечавших во многом видам государя, оставался подозрительным вольнодумцем. Естественно, что все усилия Пушкина обратились на то, чтобы ниспровергнуть, унижить в глазах общества человека столь жалких качеств и столь широкого влияния, притом лично враждебного ему, игравшего в руку его врагам или официальным опекунам, которые создавали ему зависимое, часто невыносимо тяжелое положение в жизни. Отвечая своим врагам, вступая в борьбу с ними Пушкин, конечно, сам увеличивал тяжесть этого положения.

Сношения Булгарина с Бенкендорфом послужили Пушкину темой для его первого полемического ответа Булгарину, - враждебные отношения гр. Уварова к Пушкину дали Булгарину новый повод полемически задеть Пушкина, коснувшись его происхождения. Греч сообщает, что однажды в гостях у Оленина Уваров насмешливо сказал, что Пушкин хвалится своим происхождением от негра Ганнибала, которого продали в Кронштадте Петру Великому за бутылку рома!»⁴⁷ Булгарин, услышав это, с удовольствием повторил это, конечно, под масками Северной Пчелы (№ 94 – см. следующую главу); Пушкин написал в ответ известную «Родословную», где говорит о своем благородном и древнем происхождении, противопоставляя свое заслуженное и забвенное дворянство новорожденной и сильной знати (подразумевая под этой новой знатью, конечно, Уварова). Но, помимо полемического ответа своим врагам, эти строфы имеют определенную положительную почву – общественные идеалы поэта, которые уже почти всецело обуславливали враждебные столкновения с третьим литературным противником его, с Полевым. Этих идеалов и уместно будет здесь коснуться, прежде чем представить весь ход полемики в 30 году: Полевой вступил в этом году в союз с Булгариным, и полемические отношения Пушкина к последнему переплелись с отношениями к Полевому.

В общественных идеалах Пушкина мысль о значении первого сословия, о дворянстве, составляла крупнейшее зерно. Она выражалась им в разных набросках несколько раз, занимая его особенно в 30 – 31 годах, без сомнения

⁴⁶ Пушкин по документам Остафьевского Архива.

⁴⁷ Записки Греча. 456.

под возбуждением возникшей полемики с Булгариным и Полевым, тесно связанной с его гордостью своим происхождением. — Она упоминается в отрывках из неоконченных повестей и схематически изложена в программе статьи, которую имел в виду написать Пушкин. «Что такое потомственное дворянство? — ставит вопрос программа. — Сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами, касательно собственности и частной свободы. — Кем? — Народом или его представителями. — С какою целью? — С целью иметь мощных защитников (народа), или близких и непосредственных к власти представителей. — Какие люди составляют сие сословие? — Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. — Кто сии люди? — Отменные по своему богатству или образу жизни. — Почему так? — Богатство доставляет способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*; образ жизни, т.е. не ремесленный или земледельческий, ибо все сие налагает на работника или земледельца различные узы. — Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен; ремесленник — от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей... — то составляет дворянство в республике? — Богатые люди, которыми народ кормится. — А в государстве? — Военные люди, которые составляют войско государево. — ем конается (погибает) дворянство в республике? — Аристократией прав. — А в государстве? — Рабством народа... Наследственные преимущества высших классов общества суть условия их независимости. В противном случае класс эти становятся наемниками и несут их обязанности».⁴⁸ В отрывках из романа в письмах говорится: «Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает; мы проживаем в долг наши будущие доходы и разоряемся; старость нас застает в нужде и хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древняя фамилия приходит в нищенство, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. К ему ведет такой материализм?.. Я без прискорбия никогда не мог видеть унижения наших исторических родов. Никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. И какой гордости воспоминаний ожидать от народа, который пишет на памятниках: Гражданину Минину и кн. Пожарскому. Какой кн. Пожарский? То такое гражданин Минин? Был у нас окольный князь Дм. Мих. Пожарский и был Козьма Минин Сухорукой, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ».⁴⁹ Поэт видит в этом недостаток глубокого культурного чувства. — «Образованный француз или англичанин

⁴⁸ V. 169.

⁴⁹ IV. 356.

дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве, или в таком-то году возвратившегося из Палестины; но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшее, пресмыкаясь пред одним настоящим, и у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества. И это ставите в ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода – именно достоинство личное. Я видел родословную Суворова, писанную им самим. Суворов не презирал своим дворянским происхождением. Имена Минина и Ломоносова вдвоем, перевесят, может быть, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами».⁵⁰ В отрывке другой повести: «Древнее русское дворянство... упало в неизвестность и составило род третьего состояния; дворянская чернь... считает между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древность рода их восходит до Петра и до Елизавет. Денщики, певчие, хохлы – вот их родоначальники»...⁵¹ Последнее выражено и в насмешливых словах Моей Родословной.

Эта теория, которую настойчиво проводил Пушкин и которую он, очевидно, чрезвычайно дорожил, создала особый взгляд на нашу историю, конечно, пристрастный: поэт защищал местничество, поддержавшее значение дворянства, осуждая царствование Феодора Иоанновича, в которое оно было отменено. И наконец перешел к отрицанию Петровской реформы, по его мысли – истинно революционной, пренебрегавшей значением русского родового дворянства, заменившей его аристократией прав. С точки зрения такого взгляда на нашу историю, обусловленного общественной теорией, поэт и произносил суд над Историей Русского Народа Полевого, столкновение с которым на почве двух противоположных общественных тенденций было вообще естественно неизбежным. Естественно также, что с точки зрения своей теории поэт должен был чрезвычайно презирать таких людей, как Булгарин, который не имел не только благородного исторического происхождения, но даже отечества, чуждый всех глубоких интересов русской жизни. Наконец, Пушкин в связи со своей дворянской теорией гордился собственной принадлежностью к одному из старейших дворянских родов, – эта гордость служила поводом для булгаринских издевательств и сатиры Полевого. Булгарин, конечно, завидовал тому, кто имел права, более почетные и влиятельные, чем мог иметь он; но в таких противниках аристократических сочувствий, как Полевой, отношение поэта к своему происхождению

⁵⁰ IV. 357.

⁵¹ IV. 367.

вызывало серьезное осуждение (как раньше осуждал Пушкина за то же Рылеев).

Брат и сотрудник Н.А. Полевого передает все подробности первого знакомства своего брата с Пушкиным и делает заключение о причинах, по которым поэт отошел от издателя лучшего тогда журнала.⁵² До встречи Полевой имел от Пушкина письмо, писанное по получении первой книжки Московского Телеграфа. Пушкин давал лестный отзыв о новом журнале: «М.Г.! Виноват перед вами, долго не отвечал на ваше письмо: хлопоты всякого рода не давали мне покоя ни на минуту. Также не благодарил я вас еще за присылку Телеграфа и за удовольствие, мне доставленное вами в моем уединении – это непростительно. – Радуюсь, что стихи мои могут пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему из всех наших журналов). Я писал кн. Вяземскому, чтобы он потрудился вам их доставить. У него много моих бредней. Надеюсь на вашу снисходительность и желаю, чтоб они понравились публике. Свидетельствую и пр.»⁵³ Ободренный этим письмом, Полевой ждал ласковой встречи и дружбы поэта, и по возвращении поэта из ссылки явился с визитом к нему. Здесь они встретились впервые. Пушкин принял журналиста холодно и ни слова не сказал о журнале. Спустя несколько дней он отдал визит и опять не упоминал о журнале. Потом вскоре зашел к Пушкину Ксен. Полевой и на этот раз поэт, чем-то раздраженный, почти с первого слова заговорил о Московском Телеграфе, в котором находил множество недостатков, выражаясь об иных саркастически». Журналист вернулся домой с убеждением, что Пушкин за что-то предубежден против Телеграфа или против издателя его. Такое отношение в связи с лестным отзывом в письме было издателям непонятно – пока дело не объяснилось для них прежде всего тем, что Пушкин, по слухам, задумал свой журнал – Московский Вестник, который должен был выходить как бы под его высоким покровительством, при его постоянном сотрудничестве, на условиях чрезвычайно выгодных и лестных: имя Пушкина было благословением журналу, а сотрудничество оплачивалось 10 000 в год (тогда как другие журналы не платили еще в то время литературного вознаграждения). Автор Записок заключает, что поэтом руководил расчет и самолюбие, не считая возможным предположить, чтобы Пушкин мог в такое короткое время понять и оценить тогда еще неизвестных молодых литераторов. Второй причиной отчуждения Пушкина от издателя Московского Телеграфа автор Записок полагает ту перемену, которая совершилась в поэте внезапно под влиянием ласкового обхождения императора и его наставлений, о которых его великий подданный всю жизнь отзывался с благоговением; этой внезапной переменой будто бы и объясняется изменение отношений к издателю передового журнала: поэт не хотел

⁵² Кс. Полевой. Записки. 195 и дальше.

⁵³ VII. 143.

сближаться с ним по расчету обыкновенного и очень понятного благоразумия... Живя в Михайловском, он (Пушкин) почитал его журнал передовым и откровенно хвалил его; перенесенный в Москву, он был уже не тот Пушкин, и потому-то с первых свиданий встретил холодно Н.А. Полевого, и в первом разговоре со мной (автором Записок) порицал между прочим неосторожность, с какою пишутся многие статьи Московского Телеграфа... Это был всегдашний припев его и потом, когда мне случалось говорить с ним»...⁵⁴ Таким образом Кс. Полевой решает, что обе причины отчуждения Пушкина от его брата были обусловлены побуждениями неблагородными или мелкими. Мы не можем, конечно, согласиться с этими соображениями: отчуждение Пушкина от Полевого объясняется без всякой зависимости от денежных, самолюбивых и политических расчетов. Братья Полевые не знали, прежде всего, что Пушкин имел предубеждение против издателя Московского Телеграфа еще в то время, когда не могло быть места никаким подобным расчетам, еще до возвращения из ссылки; дело в том, то в их руках было только одно письмо Пушкина к Н. Полевому, которое заключало в себе вежливое одобрение новому издателю лучшего из всех русских журналов и обещание своего участия в нем. Но могло ли быть какое-нибудь сомнение для просвещенного человека, что Московский Телеграф был в то время лучшим журналом? В остальных выражениях письмо Пушкина заключает в себе вежливость, принятую Полевым в его благоговейном отношении к великому поэту за выражение особенного сочувствия журналу. Кроме этого письма к самому издателю, мы имеем письма к кн. Вяземскому, ближайшему сотруднику Полевого, в которых есть отзывы не сочувственные для Полевого; поэт с первых шагов его на журнальном поприще увидел недостатки Полевого, как журналиста, которые и создали некоторое предубеждение против него. Зная эти отзывы, легко понять, что Пушкин по приезде в Москву не имел нужды выражать особого сочувствия журналисту. Вот все эти отзывы поэта о Телеграфе и его издателе. – Л. Пушкину. – 1825 г. «Я Телеграфом очень доволен и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому»⁵⁵. Кн. Вяземскому – того же года: Я было на Полевого очень ошетинился за Невский Альманах и за пародию на Жуковского, но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, то должен непременно поддержать его журнал. Хочешь? Я согласен».⁵⁶ Кн. Вяземскому (того же года): «Ты вызываешься сосводничать мне Полевого. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню – следственно и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним ради Бога! И ему случается завираться. Например: Дон-Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! – В Италии, кроме Dante

⁵⁴ Записки.

⁵⁵ VII.119.

⁵⁶ VII.124.

единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что же такое Ариост? А предшественники его, начиная от *Buovo d'Antona* до *Orlando innamorato*? Как можно писать так наобум! А ты не пренебрегай журнальными мелочами...»⁵⁷ Кн. Вяземскому – следующее письмо: «Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадет (кроме Онегина); если же мое имя как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т.е. амбиции: Телеграф человек порядочный и честный, но врал и невежда, а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен».⁵⁸ 2 августа того же года написано упомянутое письмо Полевому, а 10-го поэт писал кн. Вяземскому: «Сейчас прочел антикритику Полевого... Нет, мой милый. Не то и не так! Разбор новой пиитики басен, вот критика. Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется, а покамест смотри за Полевым»⁵⁹ 15-го сентября – кн. Вяземскому: «Как мне жаль, что Полевой пустился без тебя в антикритику!! Он длинен, скучен, педант и невежда. Ради Бога, надень на него строгий мундштук и выезжай его на досуге».⁶⁰ 1826 г. кн. Вяземскому: «Пора бы нам отослать и Булгарина и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей Богу, когда-нибудь примусь за журнал».⁶¹ По возвращении из Москвы обратно в Михайловское поэт писал своему другу в том же смысле по поводу того, что Вяземский не примкнул к Московскому Вестнику, оставшись сотрудником Полевого: Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей Богу грустно. Итак, никогда порядочные литератор вместе у нас ничего не произведут! Все в одиночку. Полевой, Погодин. Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять. Это черная работа журнала; вот зачем и издатель существует. Но он должен: 1) знать грамматику русскую; 2) писать со смыслом, т.е. согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет и пр.» (9 ноября 26 г.)⁶² В виду этих отзывов поэта следует согласиться с заключением Анненкова о причине холодности Пушкина к Полевому помимо разницы в общественных идеалах: «Пушкин находил в нем более хлопотливости вокруг современной науки, чем изучения какой-либо части ее и не одобрял хвастовства всякой чужой систмой при первом ее появлении, не позволявшем еще зрелого обсуждения»...⁶³

⁵⁷ VII.134.

⁵⁸ VII.134.

⁵⁹ VII.146.

⁶⁰ VII. 154.

⁶¹ VII. 181.

⁶² VII. 187.

⁶³ Материалы, 175.

Несколько дальше мы коснемся еще одной причины холодности Пушкина к Полевому как литературного критика, - причины, не чуждой разницы в общественных воззрениях.

Что касается денежного расчета Пушкина в деле сотрудничества в Московском Вестнике, то если он и был, им не исключается, конечно, сочувствие убеждениям молодых писателей, которое не изменилось и после, тем более что в известной мере эти убеждения были близки к убеждениям Пушкина. Оценить ум и характер молодых писателей, до тех пор неизвестных, в качестве сотрудников журнала – не трудно и в два-три свидания, не нужно было и глубоко проникать в частные стороны их убеждений, раз во главе журнала был поставлен он сам. Пушкин мечтал издавать свой журнал уже давно; и невозможно ставить в упрек, что он с радостью принял участие в планах Веневитиновского кружка и не соединился с Полевым, от чего он отказывался и до встречи с кружком – в письме к кн. Вяземскому. Относительно перемены в политических убеждениях Пушкина, будто бы повлиявших на отношения к Полевому, то это заключение устраняется приведенными отзывами из писем, по которым перемена в отношениях произошла уже в Михайловском, также как, вероятно, и перемена в политических убеждениях. Кс. Полевой прав лишь в том, что эта последняя перемена (когда бы она ни сложилась) и новый образ мыслей в большой мере имели значение в отношениях поэта с издателем «передового журнала». Из сопоставления общественных взглядов того и другого вражда становится совершенно понятной.

Публицистические сочувствия Полевого были той почвой, которой почти всецело определялась вся его журнальная деятельность. Полевой был либералом, особенно в том смысле, какой получило это понятие несколько позднее – в смысле «сочувствия общеосвободительным и просветительным началам для развития и процветания единой культурной общеевропейской жизни». Этот либерализм имел у Полевого довольно безобидный характер, но не был идеей, усвоенной случайно и поверхностно; он лежал в условиях его происхождения, следствия которого ощутительно были испытаны им в детстве и особенно тогда, когда он уже выступил на поприще просвещенной деятельности – при столкновении с аристократическими элементами тогдашней общественной жизни. Впечатления от этих столкновений и всех, связанных с его происхождением, обстоятельств жизни, вызывали в нем отношение к условиям, в которых создавался весь наш общественный строй, как явлению глубоко несправедливому и внутренне противоречивому. Эти впечатления и создали его идеалы, которые имели, таким образом, твердую и жизненную почву; однако не пройдя сквозь закал последовательной и основательной эрудиции, они приобрели образ, с одной стороны, искренних и не вполне сознательных мнений, с другой стороны – самонадеянных и приблизительно верных суждений; в таком виде эти коренные идеалы

Полевого создавали его литературный характер. Эти идеалы проникали каждое литературное суждение Полевого, поскольку общественные тенденции могли быть допустимы в неполитическом органе, тем более при тогдашних цензурных условиях; они отчетливо выразились в его *Истории русского народа*. Из самого смысла их очевидна их противоположность пушкинской теории о значении дворянства. Полевому принадлежали те «выходки против дворянства», которые вызвали наконец крайний полемический отпор в Пушкине: поэт указал на их революционный характер, на их сродство с криками возмущенной французской черни, взывавшей к повешению аристократов. Этот полемический прием великого поэта легко может казаться предосудительным для благородства поэта. Однако не следует забывать возбужденность почвы, на которой происходила полемика: столкнулись две крайние общественные тенденции, из которых та, что выразилась в указании на революционный характер противоположной, имела своей основой контрреволюцию. Известны слова, записанные Пушкиным в своем дневнике по поводу запрещения журнала Полевого: «Телеграф достоин был участи своей. Мудрено с большою наглостью проповедовать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полицию. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска».⁶⁴ Для нас невразумительно теперь такое грозное название – «якобинизм» для такого наивного социального идеализма, каков был либерализм Полевого; но, приняв в расчет ту почву, на которой был произнесен этот приговор, становится понятно, почему он мог предстать глазам современников в таком грозном виде.

Основная мысль Полевого проводилась им не только в истории литературы; получалось особое освещение всего хода нашей внутренней жизни с точки зрения демократической общественной тенденции. Вот, например, в каком виде представлено им историческое развитие нашей литературы со времени петровской реформы в одной из критических статей в Московском Телеграфе, по которой можно судить и о способе проведения Полевым его общественной тенденции. «Начало нынешней образованности нашей – говорится там – представляет в летописях мира явление необыкновенное. Могущественный гений нашего Преобразователя вдвинул нас в Европу и положил начало всему, что совершается у нас в настоящее время. Преемники его, следуя направлению, данному России Петром, с большим или меньшим успехом, смотря по обстоятельствам, совершали силой власти своей то, что в других государствах производилось естественно, и потому они образовывали только приближенных своих, или сказать вернее, окружали себя людьми образованными. Это имело следствием нынешнюю утонченность нравов нашего высшего общества, бесхарактерность нашего

⁶⁴ V. 204.

образования вообще и подражательность в литературе, ибо и литература наша образовывалась не естественным развитием умственных сил, но прививкою или чем-то похожим на лепную работу по данному образцу. У нас были давным-давно академия и университеты, а не было народных школ, и, когда в высшем обществе нашем спорили о софистических задачах Руссо и Гельвеция, мужики наши не имели понятия о необходимейших житейских отношениях. Высшие точки нашего общественного горизонта были освещены ярким пламенем европейской образованности, а низшие закрыты густым мраком векового азиатства. Около конца 18-го столетия, не ближе (после издания Высочайшей Грамоты Дворянства) начать образовываться у нас класс средних, между барином и мужиком, существ, т.е. тех людей, которые везде составляют истинную, прочную основу государств. Из среды сего-то класса вышел Новиков... Главную заслугу Новикова полагаем мы не в том, что он увеличил число читателей Московских Ведомостей и издал несколько полезных книг, но в удивительном влиянии, какое имел он на окружающих его: он первый создал отдельный от светского круг образованных молодых людей среднего состояния, к которому принадлежал и Карамзин... Разумеется, не все сии молодые люди имели дарования Карамзина, но все они были достойны называться его друзьями. Они-то внесли образованность в тот отдел нашего общества, где она производить многозначашие, прочные успехи. В первый раз сочинениями Карамзина и распространением понятий общих ему и сверстникам его, русские среднего состояния стали сближаться с литературой. Это было начальным основанием обеих образованности нашей, и с сего-то времени, так называемый, низший круг людей начал сближаться с высшим, разрушив преграды, заслонявшие общество русское от Академии и большого света».⁶⁵

На мысль Киреевского, что многие недостатки нашей литературы происходят от того, что литераторы не принадлежат к высшему обществу (мысль помимо ее справедливости или несправедливости, конечно, глубоко обидная для Полевого) – автор статьи отвечает, что светский круг никогда не был рассадником дарований, которые, напротив, всегда воспитывала наука и личное стремление к развитию, - за это говорит вся история: Какое светское общество отражало красоту в душе Клод-Лоррена, бедного краскотера, работника? Через сколько гостиных перешел Корреджио, когда он создал свой гений и предчувствовал создание своей Магдалины? Кто образовал душу и слог Ричардсона, бедного типографщика? В каком обществе возник изящный нежный Шиллер? Не гостиная ли была святилищем мизантропа Руссо? Наконец, какое высокое дружество породило Шекспира? Какой благородный лорд дружески взял его за руку и объяснил ему великие тайны вселенной? В котором из поместий своих Шекспир имел счастье кормить и поить толпу

⁶⁵ Московский Телеграф. 1830. № 2. Взгляд на два обозрения русской словесности.

светских гостей? Нет, это был бедный крестьянин... У людей знатных с весьма немногими исключениями, литература всегда останется делом посторонним: они заняты своим честолюбием, своею службою, своими отношениями. Они всегда смотрели и будут смотреть на литераторов, как на ремесленников, более их искусных в своем деле, но чуждых им во всех отношениях. Они покупают книгу, так же как покупают лампу, кресло, рояль, как удобство, но не как произведение бессмертного духа. Напротив, для низшего класса литература есть та стихия, которою они сближаются с человечеством. Она просветит их ум, образует их чувства, и покажет им обязанности их к Богу, к Царю, к Отечеству. Посему, деятельность, явно увеличивающаяся в нашей литературе, которая перестает быть исключительным занятием немногих, радуется, услаждает их, как залог будущего благоденствия наших сограждан». Подобными тенденциями был проникнут, например, целый критический очерк о Державине, этими тенденциями объясняется сочувствие Полевого этому сну природы, которой одной был он всем обязан», писателю «среднего состояния».⁶⁶ Если, таким образом, литературные сочувствия Полевого отражали его демократические общественные тенденции, то на литературных требованиях Пушкина отражались его тенденции аристократические. Исследователь отмечает присутствие этого элемента в литературной мысли поэта, противопоставляя его сочувствию Полевого.⁶⁷ В письмах поэт несколько раз упоминает то о Вяземском, то о Катенине, которые могли бы забрать в руки критику, давая направление критической мысли. При отсутствии такого умственного центра критика, по мнению поэта, вырождается в полемику: У нас критика никогда не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения, – говорит он в одном отрывке. – Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец – о мнениях, господствующих в публике».⁶⁸ Поэт признавал права существования и такой критики, как проявления литературной жизни; однако он имел о критике и высшее представление, именно: «Если бы все писатели, заслуживающие уважение, доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть»...⁶⁹ Целью основания Литературной Газеты при участии всех друзей Пушкина и было, с одной стороны, противодействие всем непризнанным руководителям общественного мнения и литературной мысли, с другой стороны – создание из лучших писателей центра критико-литературной мысли; против последнего с особенной силой вооружился Полевой.

⁶⁶ Московский Телеграф. 1832. № 15 и 16. Очерки русской литературы. II.

⁶⁷ Материалы, 175 – 176.

⁶⁸ V, 108.

⁶⁹ V, 109.

Главнейшим поводом столкновения Пушкина с Полевым было издание Истории русского народа. Полевой предпослал появлению первого тома своего сочинения разбор XII тома «Истории» Карамзина, сдержанный, но вполне не сочувственный; тогда же была объявлена подписка на «Историю» Полевого. Карамзина критиковали в отрицательном смысле и до Полевого; поэтому неприязненное возбуждение, которое вызвал этот разбор в Пушкине и его друзьях, помимо общей почвы приверженности Карамзину, должно быть отнесено к тому, то разбор старой Истории сопровождался объявлением о подписке на новую, производя, таким образом, впечатление рекламы, тем более, что История еще не была кончена; в этом смысле поступок Полевого и был собственно понят его врагами. Нет оснований сомневаться в показании его брата, то поступок не был вызван корыстным и неблаговидным расчетом. Но и за устранением расчета, как разбор, так и вышедшая вскоре История представлялись Пушкину и его друзьям посягательством на «чистую, святую славу Карамзина».

Пушкин примкнул ко всем крайним осуждениям Полевого. Он стал за Карамзина, в котором поэта могло пленять не столько политические идеалы историка, сколько высокое отношение Карамзина к своему делу, как к призванию, и связанная с этим серьезная политическая убежденность. Этих качеств Пушкин не видел в Полевом, который, однако, притязал на лавры Карамзина. Унижение великого и достойного авторитета⁷⁰ раздражало поэта. Общественные и политические тенденции, проведенные в Истории, противоположные тенденциям Пушкина, усиливали это раздражение. В отношении научной истины современная критика становится за Полевого, против Карамзина и его приверженцев, не признавая, однако, за Историей русского народа значения глубокого и плодотворного исследования.⁷¹

III

Первая полемическая статья Пушкина, написанная в 1829 г., еще до журнальных столкновений его с Полевым и напечатанная не в Литературной Газете, а в Северных Цветах за 1830 г., направлена против Каченовского в пользу Полевого. В ней насмешливо излагается полемика между Полевым и Каченовским, обращенная последним в тяжбу. Обстоятельства этой тяжбы рассказаны братом Полевого; но во всех ценных подробностях представлены ак. Сухомлиновым.⁷²

Полевой враждовал с Каченовским и не раз затрагивал его в своем журнале: ни один живой человек не мог, конечно, сочувствовать литературной

⁷⁰ Материалы, 175.

⁷¹ Милюков. Главные течения русской исторической мысли.

⁷² Исследования и статьи. II, 256 – 267.

деятельности Каченовского; кроме Полевого, не говоря уже о Пушкине, с ним враждовал и ближайший сотрудник Московского Телеграфа кн. Вяземский. В 1828 г. в № 20 (ноябрь) Московского Телеграфа Полевой напечатал действительно резкую, хотя во многом верную оценку 26-ти-летней журнальной и ученой деятельности Каченовского. Оскорбленный этой оценкой, Каченовский поступил необыкновенно. В декабре того же года он подал в московский цензурный комитет жалобу, притом не на Полевого, но, глядя, так сказать, в корень дела, на цензора, ведавшего Московский Телеграф С. Глинку, требуя удовлетворения в том, что цензором были допущены к напечатанию «выражения укоризненные относительно к моему лицу, и, не менее того, предосудительные для места, при котором имею счастье служить с честью, с дипломами на ученые степени и в звании ординарного профессора». Комитет сделал цензору запрос; цензор потребовал от Каченовского доказательств его обвинений, которые Каченовский представил в Цензурный Комитет. Это был перечень выражений из статьи Полевого «оскорбительных для чиновника, долговременною и беспорочною службою своею, приобретшего законные права на уважение в обществе, и не менее того для профессора, имеющего не только право, но и обязанность рассуждать о законах словесности и об истории, которые преподавал и донныне преподает с честью, и которых без знания своего дела преподавать не можно в таком высшем училище, каким есть университет московский». Вот некоторые из этих выражений, которые по жалобе Каченовского, «купец Полевой напечатал, а г. цензор Глинка одобрил»: «Обещания, какие всегда дает и не исполняет издатель Вестника Европы... Мы напоминаем только Вестник Европы, что не так должно ему браться за законы словесности. Если б он старец по летам признался в незнании своем, принял за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки... Но что сделал до сих пор издатель Вестника Европы? Где права его?.. Юноши, обогнавшие издателя Вестника Европы, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель Вестника Европы засел на одном месте и неподвижно просидел более 20-ти лет»... и пр. Цензора Каченовский обвинял в пристрастии, ибо он «неоднократно одобрял к напечатанию то, что купец Полевой дозволил себе и сотрудникам своим», таким образом, «естественно действовал не по мгновенной оплошности, не по ошибке или недосмотру, а по пристрастию». К этому обвинению присоединено обвинение в умышленном оскорблении со стороны цензора, который не мог не знать об умысле купца Полевого; клевета запрещена цензурным законом. — Полевой напечатал об издателе Вестника Европы клевету; например, Полевой выразился так: «Программа в этом месте списана с обертки Вестника Европы. Там каждый год г. издатель обещает: оды, гимны, отрывки из трагедий и комедий, элегии, послания, сатиры и проч. (зри обертку Вестника Европы, когда угодно из последних лет)... Издатель Вестника Европы не поэт и, по недороду поэзии, не исполняет никогда своего

обязательства на поставку од, гимнов, элегий». «Вводимое на меня здесь перед публикою обвинение, - жаловался Каченовский, - во всегдашнем неисполнении моего обязательства есть одна из клевет, запрещаемых законом. Доказываю прилагаемыми у себя четырьмя обертками, что в истекшие два года я не обещал ни гимнов, ни элегий, а в прежние годы не мог обещать отрывков из трагедий и комедий, потому что помещение их было запрещено перед сим лет за шесть или более; о чем ведают господа профессора, присутствующие в комитете». Кроме того, следовали и другие доказательства подобного же характера. В заключение «жестоко обиженный перед публикой» статский советник, ординарный профессор М.Т. Каченовский повторял свою убедительную просьбу, чтобы цензурный комитет «принял меры к обороне от обид и к законному удовлетворению». После объяснения, подданого в цензурный комитет обвиняемым С. Глинкой, спорное дело было решено по настоянию цензора В.В. Измайлова в пользу Глинки.

В статье, озаглавленной «Отрывок из литературных летописей»,⁷³ Пушкин с живым остроумием представил самую полемику также не в пользу Каченовского. Вначале поэт берет тон осуждения Полевого в несправедливости его требований; однако это осуждение только прием насмешки над тем же Каченовским. На слова Полевого – «Если бы он (Вестник Европы), старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки и пр.» - поэт возражает: «Странные требования! В летах Вестника Европы уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седины, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца, без болезненного чувства стыда и сострадания?» На другое осуждение Полевого (смысл которого очевиден из самого опровержения Пушкина) поэт возражает с нескрываемой насмешкой над Каченовским: «Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение двадцати шести лет, ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? – г-н Каченовский просидел двадцать шесть лет на одном месте – согласен; но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского – но разве он музыкант? Г. Каченовский перевел Терезу и Фальдони – что за беда?» Затем следует изложение цензурной тяжбы и наконец защита Полевого от упреков Каченовского в невысоком происхождении своего противника: «Полевой доказал, что Мих. Троф. Несколько раз позволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя Телеграфа винным заводом;

⁷³ V. 63 – 67.

что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний купец»... Несмотря на свою приверженность к аристократизму, влиявшему и на его литературные воззрения, поэт не допускает возможности вмешивать подобные пристрастия в литературу, как и вообще всякие частные личные отношения: «Тут уж мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто более нашего не уважает истинного родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора и Гостомысла, трудолюбивый профессор, частный аудитор и странствующий купец равны пред законами критики».

В этом и была коренная разница между Пушкиным и его литературными врагами. Если в борьбе за свою теорию поэт с излишним пристрастием осудил Историю русского народа, если он в полемическом возбуждении преступил черту литературной сдержанности, бросив своим врагам неблагоприятный укор в политической неблагонадежности, - он всегда оставался в границах идейной вражды, разжигаемый, конечно, и отношениями личными; но ни то, ни другое не имело влияния на его литературные оценки: так он и до вражды к Полевому видел основные недостатки его как журналиста – и после осложненных враждебных отношений не переставал ценить его критической способности: при появлении в свете сочинений Гоголя он с живым любопытством ждал отзыва «остренького сидельца».⁷⁴ Враги Пушкина переносили враждебные отношения на оценку его великих творческих созданий, продолжая таким образом критическое гонение Надеждина.

В 29 г. отношения между Пушкиным и Полевым еще не обострились; Полевой еще высоко ценил Пушкина и не поднял гонения против Карамзина, хотя уже порвал с кн. Вяземским, вступил в союз с Булгариным и начал задевать сотрудников Литературной Газеты. – В № 1 был помещен самый благосклонный отзыв о Северных Цветах за 29 г. В № 3 – заметка о критике Арцыбашева на Историю государства Российского. Рецензент говорит о необходимости ополчиться на Арцыбашева не с этой точки зрения, как это делалось до сих пор: «Самую улику в неприличии тона его критики следовало бы извлечь из положительных доказательств великости труда, совершенного Карамзиным, великости, которую можно доказать во всех отношениях: касательно Истории собственно касательно Истории его, как произведения литературного, и в отношении археографическом, географическом, этнографическом, генеалогическом, даже палеографическом. Все это показало бы, что не без отчета творение Карамзина удивляет современников. Да иначе и быть не может или надобно бы было назвать невеждами всех нас, уважающих Карамзина». В № 7 – эпиграмма Пушкина против Каченовского по поводу его цензурной тяжбы – «Журналами обиженный жестоко и пр.; в

⁷⁴ VII, 289.

том же № разбор Полтавы. С появлением в свете сей поэм Пушкин становится на степень столь высокую, что мы не смеем в кратком известия изрекать приговор новому его произведению (высокий приговор был произнесен в № 10 Московского Телеграфа). Но в том же № рецензия на Ив. Выжигина: Вот истинный подарок русской публике! Сей давно ожидаемый роман есть одно из приятнейших явлений в русской литературе. Ум, наблюдательность, приятный рассказ составляют достоинство оного; самая чистая нравственность дышит на каждой странице. Не забудем и того, что автор шел по пути, совершенно новому, ибо до сих пор, кроме попыток более или менее неуданных, у нас не было романов. Он должен был сотворить даже слог для своего сочинения и в этом отношении сам сделался образцом. Но не в одном этом отношении он вышел победителем из битвы с затруднениями и пр... Предвидим, что еще некоторые назовут похвалы наши сему роману безусловными, безотчетными. Признаемся, что удовольствие, доставленное чтением оного, виною всех этих похвал». В № 8 сочувственный отзыв об Евгении Онегине. В № 9 – заметка о Стихотворениях бар. Дельвига (Кс. Полевого), вообще сочувственная, в заключении которой сделан упрек автору в высокой цене, назначенной за книгу; в этом упреке уже слышится раздражение против аристократических замашек участников Литературной Газеты. – «Авторы надеются на достаточных людей: надейтесь!..» В № 10 статья о Полтаве и рецензия на XII том Истории государства Российского. В последней говорится: «Появление в свет последнего неоконченного тома Истории государства Российского радует и печалит истинного сына отечества. Кто из русских без наслаждения прочтет сие изящное произведение и не пожалеет, что судьбы Всевышнего не допустили Карамзина довершить свой бессмертный труд». Выписав безусловные, благоговейные похвалы издателя труду Карамзина, рецензент добавляет: «Можем ли что-либо прибавить к выраженным здесь чувствам? Они принадлежат целой России». В № 11 статья Кс Полевого о стихотворениях Дельвига; за Дельвигом признается достоинство, как автором некоторых народных песен, но отнюдь не антологических гекзаметров; в том же № по поводу второго издания стихотворений Пушкина говорится: «Новое доказательство против осуждающих Пушкина находится перед нами: это первый том полного собрания мелких его стихотворений. Если человек может гордиться чем-либо, то конечно своей способностью совершенствоваться. История человечества есть не что иное что, как история его совершенствования: только оно и отличает нас от всех других существ. Наш русский поэт со славою поддерживает достоинство своего народа в кругу человечества. Какой шаг сделал он сам и заставил сделать других, со времени своего появления на литературном поприще! Говорят, что в первых своих стихотворениях он так же хорош, как в последних; касательно стихосложения это, некоторым образом, и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническую

душою, что с самых юных лет своих он не мог писать дурных стихов. Но поэтический дар его, его взгляд на предметы, его кругозор, во время пятнадцатилетней службы музам увеличился удивительно.

Живая. Пламенная душа его. Глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремление его к учению оправдывает русскую поговорку, что человек может, по крайней мере нравственно, расти не по годам, а по часам. Пушкина можно назвать ныне одним из просвещеннейших людей в России, и вместе первым поэтом своего народа». В № 12 был помещен роковой разбор XII тома Истории государства России, который в связи с появившимся вместе с разбором объявлением о подписке на Историю русского народа, так раздражил противников Полевого: сочувственные отзывы об Истории Карамзина, недавно помещаемые в Московском Телеграфе были, конечно, у всех в памяти. Но самый разбор написан со сдержанностью и благородством, и не представлял поводов для подозрений сам по себе: критик давал историческое значение труду Карамзина. В № 13 – самая дружественная статья о сочинении Ф. Булгарина». В заключении статьи сказано: «Исполнил ли ожидания своих читателей г-н Булгарин? Без всякого сомнения! Он написал им сочинение, какого не было в русской литературе и с которым невозможно сравнить попыток его предшественников. Скажем в заключение одну черту сего писателя, составляющую главное его достоинство. Он идет всегда впереди нашей публики и угадывает ее требования, потому-то французский бог *dire de la rgroros* всегда награждает его успехом. Писателей можно разделить на два рода: одни возвышают публику до себя, другие наклоняются до публики. Не достигая высоты своих европейских собратий по литературе, он самый сильный из русских литераторов. Публика наша едва достигает до высоты Булгарина. Если бы он поднялся еще выше, то наши читатели не увидели бы его и он не производил бы на них впечатления».

С 1830 г. стала издаваться Литературная Газета и Московский Телеграф вступил сразу во враждебные отношения с нею, и со всеми ее сотрудниками без исключения: Полевой не сочувствовал аристократическому направлению Литературной Газеты, которого она действительно не была чужда и которое чрезвычайно раздражало Полевого. Несочувствие его общему направлению нового журнала переносилось и на тех сотрудников, которые не вполне соглашались со всеми частностями этого направления; а эти частности, как постоянно бывает в возбужденном споре, принимались за существенное. Как бы то ни было, в полемические отношения к Литературной Газете замешались и переплелись столь разные соображения, общие и частные, что совершенно ясно усвоить себе эту полемику, в которой принимал такое близкое участие Пушкин, возможно лишь проследив подробно ее ход, не исключая из него никаких частных. Начало полемики с Булгариным, уже представленное в отдельной группе, значительно облегчает дело; а все только – что

определенные тенденции двух сторон должны иметься в виду в каждом случае, где есть малейшее соприкосновение с ними.

1830 год.

Московский Телеграф. № 1 Январь. Неприязненный отзыв о Северных Цветах за 1830 г.; нападки на кн. Вяземского, который ратует против полемики, а сам «первый довел брани журнальные до последней крайности»; о статье Пушкина «Отрывок из литературной летописи» сказано: «Рады, что шутливый Бенигна доставил А.С. Пушкину случай написать столь милую шутку, и может быть вскоре Бенигна доставит ему новый случай к такой же статейке, где вместо Вестника Европы второе лицо составят совсем другие, и, может быть, более значительные, знаменитые в литературе лица. Будет ли только поэт так же беспристрастен тогда, как теперь?». ... Московский Телеграф № 2 Январь. Взгляд на два обзора русской словесности. – «По мнению г-на Киреевского⁷⁵ Русская литература XIX разделяется на три эпохи: Характер первой определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть назван представителем третьей. Все это представительство отзывается аристократством, неуместным в литературе и несправедливым. Можно ли сравнить влияние Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, с влиянием Жуковского, действовавшего на одну поэзию, который доныне оставался образцом в одном своем роде, следовательно, также не мог иметь влияния на литературу вообще?... Жуковский и Пушкин были преобразователями в поэзии, но едва ли малейшее влияние имели они на общий дух нашей литературы, едва ли сколько-нибудь возбуждали они деятельность в современных прозаиках, ибо поэзия не составляет еще всей литературы. Влияние писателя на литературу возможно только тогда, когда сочинения его образуют какую-нибудь эстетику: так Карамзин был истинным светилом русских литераторов его времени. В Письмах русского путешественника он явился и критиком, и поэтом, и собственно эстетиком; в последующих сочинениях своих он был образцом почти во всех родах: и мы понимаем его влияние на литературу. Напротив, Жуковский и Пушкин превосходные поэты, но частные представители в литературе не могли подвинуть вперед эстетики общества... После Карамзина у нас не было уже ни одного писателя, увлекавшего за собою всю литературу и с нею публику; но долг справедливости и благодарности требует заметить в числе людей достойных воспоминания, оживлявших в свое время литературу нашу – Н.И. Греча. Сей умный образованный, изящный писатель оказал словесности нашей услуги важные. Он первый начал говорить языком правды

⁷⁵ В Деннице – Обзорение русской словесности за 1829 г. Ив. Киреевского, в котором находится приравнение болгаринского романа Соннику и книге о клопах ив котором о музе Дельвига сказано: «ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного севера, если бы поэт не прикрыл ее нашей народной одеждой, если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния». Сочинения. I. 37.

и беспристрастия с писателями русскими. Братство, кумовство и ложная знаменитость доходили у нас до смешного. Греч восстал против них, и показал первый пример благородной смелости в критике на грамматики Российской Академии. В течение десяти лет Греч почти один оживлял журнальную и критическую часть нашей литературы. Вокруг него образовалась семья петербургских литераторов, дотоле незаметная, ибо для нее не было органа прежде появления Греча. Но важнейшая заслуга, оказанная сим писателем, состоит в его изысканиях касательно русского языка. Не одни Грамматики Греча, но его почти 20 летние издания журналов, всегда представлявших образец правильного прекрасного слога, его грамматические битвы чрезвычайно много способствовали очищению и усовершенствованию русского языка. Не забудем и того, что он образовал многих литераторов, бывших сначала его сотрудниками. В доказательство сего назовем г. Булгарина, с признательностью сказавшего публике (в предисловии к своим сочинениям), что познаниями в русской литературе он обязан Гречу». – В том же номере Московского Телеграфа читаем: «Писали, и неоднократно, что издатель Телеграфа заключил вечный мир и союз с Н.И. Гречем и Ф. В. Булгариным и что следствие сего все издаваемое издателем Телеграфа будет превозносимо в Северной Пчеле. Правда, что издатели Северной Пчелы и издатель Телеграфа решительно прекратили пустые перепалки журнальные; но надобно быть А.Ф. Воейковым, дабы предполагать, что этот мир ведет к системе взаимного хваления. Пусть Литературная Газета, Славянин и Карманная Книжка, как им угодно перехваливаются; Греч, Булгарин и Полевой никогда не будут говорить друг о друге того, в чем не убеждены рассудком, никогда не скажут того, чего в самом деле не чувствуют, и если бы кто-нибудь из них что-нибудь издал, то похвала всегда будет куплена только достоинством сочинения или перевода».

Северная Пчела. № 4, январь 9. – Сочувственное оповещение об Истории русского народа. История названа первым опытом истории «в духе критически-философском». – «Взгляд у него верный множество заблуждений гаснет пред его критическим светильником... Кто желает знать отечественную историю, тот непременно должен прочесть книгу Полевого».

Сын Отечества № 2, январь 11. – «Вышел первый том Истории русского народа г. Полевого, книга достойная внимания отечественной публики. Г. Полевой является нам в ней умным, беспристрастным и проницательным критиком»... В заключение заметки: «Критика ожидает теперь самого г. Полевого: любопытно будет видеть, в каком образе появится сия критика в некоторых журналах. Посмотрим. А шуму будет довольно!»

Литературная Газета № 3, январь 10. – Заметка Пушкина (не подписанная его именем, как и все статьи и заметки его в Литературной

Газете). – Указывая на необходимость появления Литературной Газеты в виду необходимости создать у нас критику в самых широких ее приложениях, поэт отмечает в заключение частную необходимость появления газеты: «Впрочем, Литературная Газета была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под свои именем ни в одном из петербургских или московских журналов». ⁷⁶ Литературная Газета № 4, январь 16. – Первая статья Пушкина против Истории Полевого. ⁷⁷

Литературная Газета. № 5, январь 21 – Сочувственный отзыв Пушкина о Юрии Милославском⁷⁸; в том же № - О записках Самсона. ⁷⁹

Московский Телеграф № 3, февраль – «Понятия о литературной знаменитости ныне совсем перепутались. Прежде идея о ней была весьма ясна и проста. Русские критики составляли триумвират: Жуковский, Батюшков, кн. Вяземский. О сих писателях никто и ничего, кроме похвал, говорить не смел. После них следовал другой триумвират, юная надежда наша: Пушкин, Баратынский, бар. Дельвиг. А затем шла остальная многочисленная дружина. Теперь Батюшков похищен у нас горестными обстоятельствами; Пушкин шагнул выше и далее и товарищей, и старого триумвирата. Как же и что составило созвездие знаменитых? Явились многие вновь (Языков, Шевырев, Погорельский, Погодин, Хомяков, Тютчев, Деларю)... Явились люди, решительно не принадлежащие к знаменитым... Иные из старых (например, Воейков) получили отставку из знаменитых. Несмотря на неблагоприятность знаменитых людей, ныне говорят, что например: Булгарин, Вронченко, Козлов суть отличные писатели наши, не уступающие весьма превозносимым писателям; что несмотря на все усилия, старый аристократизм – который установился-было в нашей литературе, распался, сделался смешон, исчез, и – навсегда. Скажем ли?.. Стихи кн. Вяземского, Баратынского, и самого Пушкина перестали быть безусловным, всегда драгоценным украшением и подкреплением Альманахов и Журналов; дерзкие требуют от них не одной подписи знаменитого имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего. Критика сделалась откровеннее, строже. Многим из знаменитых все это ку как не нравится; но возражения их походят более на крик оскорбленной гордости, нежели на голос правды и сознания в собственных достоинствах».

⁷⁶ V. 72 – 73.

⁷⁷ 73 – 76. В издании Лит. Фон. Обозначено, что первая статья была помещена в № 4, 12, 32, а вторая 51, 54, 61, 65 – ошибочно. Статьи Пушкина об Истории русского народа помещены лишь в 4 и 12 №№, в 61 вовсе нет статьи об Истории русского народа, а в остальных №№ - не принадлежат Пушкину.

⁷⁸ V. 84 – 85.

⁷⁹ V. 85 – 86.

Литературная Газета № 10, февраль 15. – Заметка Пушкина о статьях кн. Вяземского, в которой поэт защищает своего друга от нападений, поднявшихся на него в журналах: «Критические статьи кн. Вяземского, носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но он заставляет мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, они невольно увлекают необыкновенною силою рассуждения (*discussion*) и ловкостью самого софизма. Эпиграмматические разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена; они же всегда преступают черту литературных прений, и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодования члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав. – Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития».⁸⁰

Литературная Газета № 12 февраль 25. – Вторая статья Пушкина об истории русского народа.⁸¹ Непосредственно за ней напечатана его же заметка – «О карикатуре в Англии»: «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие дает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, - отвечал он, смеясь, - я так много и так давно пишу, что не смею отречься от этой бессмыслицы!» - Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри».⁸² (Пушкин, пользуясь случаем бросить косвенный упрек Истории Полевого, имеет в виду пародии на стихотворения Пушкина, Дельвига, Вяземского, Баратынского под

⁸⁰ V. 87 – 88.

⁸¹ V. 76 – 78.

⁸² V. 88.

псевдонимами Феокритова, Шолье-Андреева и пр., пародии действительно вполне бесцветные).

Московский Телеграф. № 5, март. – Почему прославляют «Монастырку» Погорельского в Литературной Газете? – задает вопрос рецензент Московского Телеграфа. – «Чем хуже «Монастырки» Федора, повесть г. Сумарокова? Занимательности в ней еще более. Слог не современный?.. Но неужели за то прославляют «Монастырку», то она гладенько написана?.. Неужели от того молчать о «Федоре» или не хвалят ее, что слог ее устарел для нашего времени? Нет, истинная причина... «но вы умны: смекайте сами!» Если бы у сочинителя Федоры были приятельские сношения с какими-нибудь Феокритами под душегрейкой новейшего уныния, то давно бы – давно гремела труба хвалы о Федоре между несколькими десятками читателей какой-нибудь новой газеты. Но, видно, эта участь досталась «Монастырке»: счастье ее!.. По выходе в свет окончания сего романа мы надеемся поговорить о нем подробнее. Но теперь упомянем еще об одном достоинстве книги г. Погорельского. Она напечатана чрезвычайно красиво, со всею исправностью типографии г-на Греа, и так просторно, то разве только двух-срочные страницы в Сочинениях бар. Дельвига перещеголяют ее в сем отношении... Издание Федоры довольно бедно».

В Новом Живописце (при том же № Московского Телеграфа). «Первый поэт современный издает прелестную поэму; публика в восторге. Через пять лет тот же поэт издает окончание поэмы и столь же прелестное: публика холодна. Отчего? Тот отстает, кто сидит на одном месте. В десять лет и на Наполеона прошла мода; в 1804 году народы звали его короноваться в Милан; в 1815 г. он сам ушел на Беллерофон».

(Северная Пчела № 30, март 11 – уже упомянутая первая статья Булгарина, направленная против личности Пушкина – Анекдот).

Московский Телеграф № 6 март. Рецензии, напечатанные одна за другой – на Дм. Самозванца Булгарина, на Евгения Онегина, и на Грамматику Греча. В первой после введения сказано: «Приступаю к рассмотрению романа «Дм. Самозванец», сочиненного моим коротким приятелем Фад. Венед. Булгариным, и о сих моих сношениях с автором предварительно уведомляю всех, острящих жало на новое произведение моего друга... Да! Новое произведение автора Ив. Выжигина оживило нашу бедную словесность и решительно перевешивает все тридцати или двадцати страничные поэмочки знаменитых, все альманачные отрывки, все послания к тому и другому, все стихи в альбомы княжен и графинь, даже все то, что скромная любопытательность доселе предложила слуху, любознательному, не услаждающемуся бряцанием кимвалов и меди звенящей». Во всей статье рассыпаны похвалы автору романа: «Булгарин мастерски воспользовался сими противоречиями... Автор в повествовании своем очень верно следовала за историей... Для обозначения характеров Булгарин употреблял то же самое

мастерство, которое бывает так ценимо в произведениях знаменитых живописцев...» В заключение статьи: «Повторяю еще раз: роман Булгарина есть произведение истинно европейское, свидетельствующее об успехах просвещения нашего отечества». Рецензия на Онегина: «Стихотворения А.С. Пушкина в нашей литературе можно уподобить северному сиянию среди мрака полярных стран. ...Среди нынешних наших льдов и снегов Пушкин есть явление утешительное. Жалеем об одном: зачем столь блестящее дарование окружено обстоятельствами, самыми неблагоприятными? Освободиться от них очень трудно, если не совсем невозможно. Будь Пушкин в такой литературе, в таком обществе, где перечувствовано, все объяснено, все, что обстоятельства заставляют его вносить в свою поэзию: он стал бы на весьма высокой степени... Конечно, Байрон не увлек бы с собою века, если бы он выражал только то, что соотечественник его читает в Шекспире или чувствует в парламенте, или презирает в собраниях фашионбелей и на шумных сборищах лондонской черни. Но у нас все это ново, все это нас поражает, как поражают детей вседневные деяния людей взрослых. Мы еще дети и в гражданском быту, и в поэтических ощущениях. Пушкин не может освободиться от русских чувств при взгляде на жизнь общественную, и потому-то он, кажется, так слаб в сравнении с Байроном, изображавшим в некоторых сочинениях своих то же, что представляет нам Пушкин в Онегине. «Гостиные, девы и модники, герои деревень, городов и балов. Какой подвиг взглянуть на них сардонически!» Вот господствующая мысль в Онегине, которую, может быть, и сам творец сего романа худо объясняет себе, ибо иначе он увидел бы, что теснится вокруг нее в семи стихотворных главах утомительно и для него, и для читателей. Первая глава Онегина и две-три последовавшие за нею, нравились и пленили, как превосходный опыт поэтического изображения общественных причуд, как доказательство, что и наш гордый язык, наши московитские куклы могут при отзывах поэзии пробуждаться и составлять стройное, гармоническое целое. Но опыт все еще продолжается, краски и тени одинаковы, и картина все та же. Цена новости исчезла — и тот же Онегин нравится уже не так, как прежде. Надобно прибавить, что поэт и сам утомился. В некоторых местах 7-ой главы Онегина он даже повторяет сам себя... Нельзя указать на решительные повторения, но перевернутых и вместе одинаковых намеков и мыслей есть довольно... Онегин есть собрание отдельных бессвязных заметок и мыслей о том-о сем, вставленных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего отдельное значение. Онегин будет поэтический Лабрюер⁸³, рудник для эпитафий, а не органическое существо, которого части взаимно необходимы одна для другой». В той же рецензии опровергаются обвинения, находящиеся в связи с заметкой Пушкина в № 12 Литературной Газеты:

⁸³ Лабрюйер Жан де

«Какой-то – видно, умный и благонамеренный человек! – торжественно возгласил, что в Телеграфе печатаются пародии на стихотворения Пушкина. Неудобно ли г. Возглашателю указать хоть на одну пародию? Или неудобно ли ему самому написать пародию, например, на Онегина? А мы отказываемся от этого, ибо до сих пор еще не заметили в Пушкине тех сторон, которые могли бы отражаться в зеркале насмешки. Если в Телеграфе и печатаются пародии, если в них и узнают своих детищ некоторые поэты, то из этого не следует, чтобы там же были и пародии на Пушкина».

(Литературная Газета № 20 апреля 6 – статья Пушкина – О Записках Видока). Литературная Газета № 20, заметка Пушкина О личностях в критике: «Требуется ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше внимать шляпы перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно, нет; но журналисты об этом публикуют, чтоб его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому б не помешало ему лучше зайти мимоходом, да словесно объявить о том), узнал эту важную для них новость. Впрочем, такие извещения излагают иногда с некоторою дипломатическою важностию. В одном московском журнале вот как отзываются о книге, в которой собраны статьи разных писателей: «Она не блещит именами знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере мы не пожалеем». Эти господа «мы» друг друга верно понимают, но доверчивому скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом? Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, которой ему не хотелось бы осуждать, нет ни одной статьи путной: в 1-ой статье нет общности; во 2-ой автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питием, едою, чаем и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности. Ужели названия порядочного и здравомыслящего человека лишились в наше время цены своей?»⁸⁴

Литературная Газета № 23, апрель 21. «Все благоразумные люди предвидели, что дружбе Телеграфа с Сыном Отечества не долго сдобровать; но никто не мог угадать, что сей недавно заключенный союз рушится так скоро. Вот слова из Сына Отечества (№ 15, стр. 165), которые, как бомба, пущенная в неприятельский стан, возвестили крутой неожиданный разрыв перемирия: «Ныне некто г-н Николай Полевой в сочинительском пылу о дарованиях и званиях своих возмечтав, первый том Истории русского народа напечатал и там равномерно свои суесловия о происхождении руссов поместил». Литературная Газета, конечно, сочувствует мнению Греча также как и совестливому молчанию о романе «Дм. Самозванец, но не может

⁸⁴ V. 93 – 94.

одобрить «личностей и непристойных выходок, хотя бы предметами оных и были люди, коих мнения и литературные действия в совершенном противоречии с нашими. Выражение: «некто г-н Николай Полевой» есть выражение не литературское, невежливое. Осуждайте творение, но имейте всегда уважение к лицу».

В том же № «О духе партий; о литературной аристократии». Статья кн. Вяземского - Если верить некоторым указаниям, то в литературе нашей существует какой-то дух партий; он силится восстановить какую-то аристократию имен. Указания эти повторяются отголосками журнальными; но нигде не объясняются убедительными доказательствами, а мнения без ясных улик остаются предубеждениями, предрассудками, не заслуживающими веры... У нас можно определить две главные партии, два главных духа, если непременно хотеть ввести междуусобие в домашний круг литературы нашей... К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы бесталанные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслием и сочувствием? Союз людей, возвышенных по своим дарованиям и нравственности скреплен и освящен само природою: они – союзники, а противники – их сообщники. Сообщество сих последних неверно, непрочное, как страсти, личные выгоды, расчеты корысти, служащие зыбким основанием сим случайным сделкам... Не говорим уже о несостоятельности отношений сих задорных мирмидонов к лицам, которые стоят на вершине для них недостижимой, к лицам, перед которыми то повергаются они на колени, то в забавном напряжении кидают перед ними детскую свою рукавичку. Нет! Следуйте за движениями их отдельных и частных междуусобий, читайте журналы, сии обличительные хроники анархической литературы нашей, в коих написанное за год, за неделю, в явном противоречии с написанным сегодня, в которых вчерашний враг готовится в завтрашние друзья, и наоборот, и вы увидите на противоположной стороне заводятся партии, заключаются и расстраиваются союзы. Мы уже сказали, разумеется, есть аристократия дарований. Природа действует также в смысле некоторого монархического порядка: совершенного равенства не существует нигде... «Лукавство, пронырство, ничем не возмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость, вырывали иногда случайную победу из рук менее деятельного, более бескорыстного достоинства. И те, которые у нас более других говорят об аристократическом союзе, будто существующем в литературе нашей, твердо знают, что этот союз не опасен выгодам их, ибо не он занимается текущими делами литературы, не он старается всякими происками, явными и тайными, овладеть источниками ежедневных успехов и преклонить к себе, если не уважение, то благосклонность, которая гораздо податливее первого... Справьтесь с ведомостями нашей книжной торговли, и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умеет писать, то другая умеет печатать, с целью скорее

продать напечатанное. А это умение род майората, без коего аристократия не может быть могущественной. Мы живем в веке промышленности: теории уступили поле практике; надежды – наличным итогам... Невинность публики идет своим чередом; но воздайте и каждому свое: припишите часть успехов сноровки и ловкости писателей. Некоторые из них были уже заранее провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Например, «История русского народа» и «Ив. Выжигин», сии книжные близнецы нашего времени, сии Иван и Марья в царстве литературного прозябания, имели гораздо более расхода, чем несколько других творений, заслуживающих истинное уважение. Таким образом литературной промышленности, которая есть существенная аристократия нашего века, ничего по-пустому заботиться и кричать о тако называемой аристократии, которая чужда оборотов промышленности».

Сын Отечества № 16. Апрель 19. – Опять литературный крючок. – «Издатель Литературной Газеты в общем собрании своих сотрудников уже давно решил, что все сочинения г-на Булгарина никуда не годятся именно потому, что этот г-н Булгарин имеет весьма дурной вкус, не восхищается рубленой прозой, называемой приятелями сочинителей стихами, подражанием древним, прикрытым душегрейкой новейшего уныния и смело говорит, что кто не знает не только греческого и латинского языка, ни даже немецкого, тот не подражает древним, а передразнивает их»... «Г-н Булгарин сущий литературный еретик!.. Этот г. Булгарин даже не любит неудачных подражаний Байрона и – о дерзость! – требует от своих сотрудников прилежания и беспристрастных известий о книгах... Дело решенное: г-на Булгарина надобно согнать с литературного поприща, заставить публику не читать его сочинений и не верить его критикам, потому то он поклялся быть беспристрастным и не признает литературной аристократии. Как же это исполнить? Бранит в Литературной Газете (Вноска: Которая сама сказала о себе, то издается не для публики, но только для некоторого числа писателей и, сознаемся, держит крепко слово). Все, то он напишет в каждом №, стрелять в него впрямь или вкось. Похвально! – Повторять все, что будет сказано дурного в пяти частях света об его сочинениях и умалчивать о хорошем. Если же где-либо сказано будет двусмысленно или хорошее перемешано с дурным, то выбирать одно дурное. Решено и приговор приведен в исполнение посредством нижней земской литературной полиции»... «С какою целью Литературная Газета выписала одну фразу из немецкой рецензии в предосуждение г. Булгарину и умолчала о том, что говорится хорошего об его сочинениях? Хорошо ли таким образом выдергивать речения без последующего смысла? Пусть на это отвечают сами читатели. Любопытно, однако же знать, чтобы сказали строгие немецкие критики, если бы перевести на немецкий язык существующие в русском языке разные пошлые идилии: например, Дамон, Купальницы, Титир и Зоя? Что бы сказали ученые немцы об

этих стихах, будто бы в подражание древним, стихах, которые за недосугом подбирать рифмы, превратились в древний размер?.. Если б немцы знали по-русски, то сказали бы об этих стихах тоже самое то Вестник Европ: это стихи-хи, хи, хи!»...

Литературная Газета № 24. Апрель 26. – «В № 18 Литературной Газеты мы выписали начало статьи о переводе сочинений г. Булгарина на немецкий язык... Издатели Сына Отечества напечатали конец той же статьи немецкого журнала, в котором рецензент хвалит не рассказ г. Булгарина, а подвиг русских войск при переходе через Кваркен. Желая не лишать читателей всей статьи о сочинениях г. Булгарина, ля полноты оной мы выписываем то, что составляет середину ее, т.е. что было недосказано в Литературной Газете и пропуено в Сыне Отечества»... Середина, действительно, нелестная для Булгарина.

Сын Отечества № 17. Апрель 26 – «Смесь». – «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оно: «Не то беда, то ты поляк, Костюшка лях, Мицкевич лях, пожалуй будь себе татарин, - и в том не вижу я стыда; будь жид и это не беда, но то беда, что ты Фаддей Булгарин (Выноска: «Правда беда – но кому? Не литературным ли трутням, Цапхалкиным, Задушатиным и т.п.» Примечание наборщика). Литературная Газета № 26 мая 6. – Разговор в книжной лавке. – «Разводит и у вас рассадник свой Британец. Что скажешь ты: каков наш Дмитрий Самозванец?» - Худое слово мне сказать о нем грешно: а ты что думаешь? – «О вовсе не одно!» - Да ты читал его? – «К несчастью!» - То другое: я – нет и в споре .нейду: ты прав; но прав я вдвое». – *В том же №.* «Смесь» - «Несносная книга! Бесконечные, скучные монологи, бесхарактерные лица! Нет ни исторической правды в нравах, ни даже хорошего живого слога! И все это так длинно, длинно, длинно!» - Вскрикивает в нетерпеливой досаде читатель, - и с размаху бросает под стол недочитанный первый том нового романа. Поверят ли? Авторское самолюбие (или употребим точнее) авторское самохвальство умеет и здесь перетолковать слова и дела в свою пользу: быстрый полет тучного романа под стол называет он жарким ему приемом от читающей публики. *On est toujours un peu Gascon!* (Из: *Le nouveau Trilby*).

Литературная Газета № 30. Мая 26 было помещено стихотворение Пушкина. Послание к К.Н.Б.Ю*** (известное по Собраниям сочинений под заглавием «К Вельможе»).

Московский Телеграф. № 10. Май. Новый Живописец общества и литературы. – «Утро в кабинете знатного барина». – Кто князю невежестному и изнеженному человеку, только что вышедшему из своей спальни в дурном настроении, из-за письма, полученного им от своей любовницы. Секретарь Подлецов подает ему дела для рассмотрения. Князь, скучая, подписывает. Выслушав, последнее прошение о пенсии, он нетерпеливо обращается к

секретарю: «Ну, ее к черту – давай скорей (подписывает) – но более ничего не подавай мне (Подлецов хладнокровно складывает бумаги)... Скажи, что у тебя смешного? Подлецов: Вот листок какой-то печатный, кажется, стихи Вашему Сиятельству. Князь: (взглянув) Как? Стихи мне? А! – это того стихотворца... Что он врет там? Подлецов: Да, что-то много. Стихотворец хвалит вас; говорит, что вы мудрец: умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только за тем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в шашки с каким-то Бомарше... Князь: Нет? Так он недаром у меня обедал (берет листок). Как жаль, что по-русски! (читает). Недурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевести это по-французски, и переписать экземпляров пять; я pošлю кое-кому, а стихотворцу скажи, что по четвергам я принимаю его всегда обедать у себя. Только не слишком вежливо обходишь с ним; ведь эти люди забывчивы; их надобно держать в черном теле. – Послушай-ка – брате! Притвори дверь, и подойди поближе. Скажи, что ты узнал о моей ветренице? И пр. – Эта сцена продолжала целый ряд подобных, в которых высмеивалась ничтожность высшего общества. Приведенная сцена оканчивается комическим шаржем,ставляющим в жалком виде князя; заключительные слова камердинера выражают ее тенденцию: «Неужели у многих бар так проходит утро в кабинете? (смеется). Не знаю! Мы люди темные»...

Литературная Газета № 31. Мая 31. Рецензия на Историю русского народа. В заключении сказано: Нельзя же думать, что труд нового историка еще не совершен, что II обещанных томов пока таятся еще в голове автора тогда когда они уже продан не книгопродавцу, который может пуститься на удачу предприятия и так сказать на волю Божию, но частным подписчикам, которые подписываются на наличное. Такое предположение было бы легкомысленно и оскорбительно для добросовестности автора. Дай Бог автору и всем авторам здоровья и долголетия; но в добрый час молвит, а на худой промолчать: ведь жизнь их не застрахована на такой-то срок. Во всех образованных землях, у всех честных людей открывается подписка и собираются с подписчиков деньги, когда сочинение уже написано и готово к печати. Сочинение может быть допечатано после жизни автора, если он умрет в это время; смерть его оплакивается близкими и добрыми людьми; по крайней мере не сбывается пословица: плакали денежки. А между тем и второго тома еще нет: друзья автора распускают известие, что он сжег второй тои, быв недоволен трудом своим. Это огненное очищение, этот Божий суд средних веков приносит честь уничтожению авторскому, но тут следуют два вопроса: Отчего не сожжен и первый том, и при чем останутся подписчики? При одном пепле, что ли?»

Литературная Газета. № 32. Июня 5. – Эпиграмма Баратынского. «Он вам знаком. Скажите кстати: Зачем он так не терпит знати»? Затем, что он не дворянин. «Ага! Нет действий без причин! Но почему чужая слава его так

бесит»? – Потому, что славы хочется ему, а на нее Бог не дал права; что не хвалил его никто, что плоский автор он. – «Вот что»!

Литературная Газета. № 34. Июня 16. – Рецензия Дельвига на немецкий перевод Ив. Выжигина; рецензент, не сочувствуя тому, что роман переведен, говорит, что иностранцы не найдут в нем «ни характеров, ни нравов, ниже нравственности, и сатиры, обещанных на листе; не отыщут даже интереса романов Коцебу, Списса, Дюкре-Дюменилля и прочих своих посредственных романистов; и только заключат, что в России нет хороших романов, если веря предисловию г. переводчика, Ив. Выжигин в семь дней у нас раскупился. Но и сему объявлению переводчика вряд ли они поверят, опытами убежденные в истине пословицы: *A bon mentir, qui vient de loin* и пр.». В том же №: «Люди недалёковидные, но любящие и привыкшие отдавать себе отчет во всем ими прочитанном, осуждали между прочим в Ив. Выжигине неопределенность времени, в которое жили и действовали герои сего романа. По названию государственных должностей, существующих в России, по одежде и некоторым обычаям думаешь, что автор представляет нынешнее время России; по войне же небывалой и описаниям нравов московских и петербургских разуверяешься совершенно в первом предположении. Задача сия разрешилась. Автор Выжигина с намерением закрывал эпоху существования своих действующих лиц, дабы, представляя по своему разумению русские нравы, написать историю целой династии Выжигиных, т.е. в течение трех-четырех лет выдать похождения сына Ив. Выжигина, Петра Ивановича, и, может быть, внука его Петра Петровича, и правнука его Ивана Петровича и так далее. Мы получили верное известие, что уже две части пождений Петра Ивановича написаны, а все четыре вперед запроданы книгопродавцу. Если это семейство Выжигиных попадется через сто лет кому-нибудь в руки, то какое тогдашний читатель возымет почтение к постоянству нашему в модах и обычаях, видя отца, сына, внука и правнука в одинакой одежде, с одинакими привычками и странностями». Литературная Газета. № 36. Июня 25. – Заметка Пушкина – известная под заглавием: «О неблаговидности нападок на дворянство».⁸⁵ «С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым не благосклонствуют, их дворянским достоинствам и литературной известностию. Французская чернь кричала когда-то: *les aristocrats a la lanterne!* Замечательно, что и французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас в России государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности, кажется, ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские

⁸⁵ V. 94 – 95.

легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские не способен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню: «Со светлым червячком встречается змея и ядом вмиг его смертельным обливает. «Убийца»! он вскричал: «за что погибнул я?» - Ты светишь! – отвечает».

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений, и червячков и козявок заменить лицами более выразительными. Все это напоминает эпиграмму (Баратынского), помещенную в 32-м № Литературной Газеты».

Московский Телеграф № 13. Июль. – В рецензии на Сочинения Фон-Визина, к которым предположено было присоединить жизнеописание писателя, составленное кн. Вяземским, сказано по этому поводу: Надобно сперва выучиться говорить, а потом думать; вот правило не сомнительно верное! Наши литераторы его не знают и идут наоборот: сперва думают, а потом говорят. Где же надобно учиться говорить? Разумеется, не в пыльном кабинете, не из книг, но в свете, и – прибавим, большом свете, куда наши литераторы не заглядывают. Как же хотеть, чтобы русские книги читал кто-нибудь, кроме мужиков и гостинодворских сидельцев? Только тогда, когда писатели светские, люди высшего тона станут писать, заставят читать дам и светских людей; когда в промежутках мазурок и котильонов литература будет составлять предмет разговора; когда русская книга будет лежать в диванной красавицы и на туалете щеголя, не пугая их ни Скифской наружностью, ни грубым не светским языком – тогда только можно обещать успех литературе. Этого-то мы ждем от труда кн. Вяземского». В заключении рецензент выражает нетерпеливое ожидание жизнеописания Фон-Визина, - «явления достопамятного не менее идиллий нашего Феокрита-Дельвига, печен нашего Беранже-Языкова и Послания Пушкина к К.Н.Б.Ю.»

Северная Пчела № 90. 29 июль. – «Писатели занимаются более своей враждой, нежели выгодною публики... Беспрерывная брань и выстрелы тупословия в одном и те же лица надоели публике, и все журналы, которые возьмут в пример нашу печальную Литературную Газету, кончат как она. Requiem!»... «В Литературной Газете объявили уже во всенародное услышание, что Издатели получили верное известие, будто я написал уже два тома нового романа, а по благосклонности своей к автору наперед разругали это нерожденное детище. Честь и слава прорицанию Литературной Газеты. Любопытно, однако знать, как прочла она в голове моей два романа, и кто мог

сообщить верное известие, кроме меня? Право, мне досадно, то противники мои так неловки и вместо того, чтобы вредить мне, служат мне усердно, выказывая безвременное личное пристрастие и гнев... и пр.

Северная Пчела. № 94. 7 августа. Второе письмо из Карлова на Каменный остров. ... Иногда залетают к нам вести из Германии и даже из Парижа. Так например, в нашем городе получено письмо из Парижа, в котором уведомляют, то в чужих краях странствуют несколько юных россиян, которые выдают себя за первоклассных русских поэтов философов и критиков и всем журналистам обещают сообщать известия о России, а более о русской литературе. Тот самый почтенный критик, который вступил на поприще словесности в нынешнем году Обозрением Словесности, напечатанном в альманахе «Денница» и назвал моего бедного Выжигина книгой одного достоинства с сонниками и гадательными книгами, а читателей Выжигина сравнил с публикой толкучного рынка – этот самый критик, одевший музу нашего доброго издателя Литературной Газеты (мимоходом сказать столь же виноватого во вздорных критиках сей Газет, как и пред Великим Моголом) в душегрейку новейшего уныния, этот самый почтенный критик наименован в числе первых сотрудников иностранных журналов... Другой – автор писем из Италии, помещаемых в Московском Вестнике и соучастник по изданию сего журнала. Можешь себе представить, каково будет доставаться нам в этих известиях о русской литературе, и на какую степень станут поэты и прозаики, которых издатель Московского Телеграфа в шутку назвал знаменитыми и литературными аристократами! Не могу удержаться от смеха, когда подумаю, то они приняли это за правду и в ответ на это заговорили в своем листке о дворянстве! Жаль, то Мольер не живет в наше время. Какая неоцененная черта для его комедии: Мещанин во дворянстве! Добрые люди, мне, право, жаль их. Какой вздор они вскидывают сами на себя. Говорят, что лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей Бог весть, каком, свели с ума множество Поэтов и стихотворцев в разных странах и все они заговорили о шестисотлетнем дворянстве! В добрый час! Дай Бог, чтоб это воперило желание быть достойными знаменитых предков (если у кого есть они), однако ж это не сделает глаже и умнее, ни прозы, ни стихов.

Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и, что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому! Думали ли тогда, то к этому негру признается стихотворец! Vanitus vanitatum!..⁸⁶

⁸⁶ Полемиическим ответом Пушкина на эти слова – была Родословная, которой поэт – по свидетельству кн. П.П. Вяземского – чрезвычайно дорожил.

«Вот что значит писать из места, где нет новостей! Перо, как волшебный жезл переносит мысль за тридевять земель, и я из Дерпта шагнул в Париж, откуда упал в Литературную Газету и очнулся в Африке! Помнишь ли, что в начале года утверждали в Литературной Газете, будто музыка и архитектура не изящные искусства и, что слушать музыку есть то же, что греться у печи, или ездить верхом?»⁸⁷ Но это суждение жемчуг в сравнении с теми, что печатается в каждом листке, и так поневоле вспомнив об этой Газете, вспомнишь об Африке! Вот как мысль соединяет два предмета, которые с первого взгляда, кажется, не имеют между собой ничего общего... Подписано Ф.Б.

Литературная Газета № 45. 9 августа. – В нынешнем году Северная Пчела отличалась особенно неблагосклонностью к гг. Загоскину, Пушкину и Киреевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г. Загоскин издал роман,⁸⁸ коего успех мог повредить ходу исторического романа г. Булгарина. Строгий приговор Дм. Самозванца (См. Литературную Газету № 14) был приписан Пушкину (Вноска: А.С. Пушкину предлагали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он отказался, говоря, чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь), а в «Деннице» напечатано было следующее мнение об Ив. Выжигине: «Пустота, безвкусие, бездушность; нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток; вот качества сего сочинения, качества, которые составляют его достоинства, ибо они делают его по плечу простому народу, и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям. Что есть люди, которые читают Выжигина с удовольствием и следовательно с пользою, это доказывается тем, то Выжигин расходуется. Но где же эти люди? – спросят меня. – Мы не видим их, точно так же, как и тех, которые наслаждаются Сонником и книгою О Клопах; но они есть, ибо и Сонник и Выжигин и О Клопах раскупаются во всех лавках».⁸⁹ Заметим, что нам не удалось встретить ни одного порядочного литератора, ни одного умного светского человека, ни одной образованной женщины, которые бы вполне не согласились с мнением г. Киреевского. – В *Allgemeine Zeit* нынешнего года напечатана статья, в которой г. Булгарин сравнен, как автор, со Стерном, Мерсье и многими другими известными европейскими писателями. Сочинитель *Писем из Карлова* может быть вследствие сего

⁸⁷ В № 4 Литературной Газеты в статье Катенина О изящных искусствах – архитектуре и музыке не давалось высокого значения наряду с другими искусствами: «Что может быть высокого в музыке отдельно от слов? Ряд стройных звуков доставляет удовольствие физическое: приятно греться у огня, качаться на качелях, кружиться в пляске, скакать на лошади, слушать соловья в лесу или Фильда в концерте; но благороднейшим чувствам человека до всего этого дела нет». На это было помещено возражение в Сыне Отечества № 10 8 марта.

⁸⁸ Юрий Милославский.

⁸⁹ Выдержка из Обозрения русской словесности на 1829 г., напечатанного в Деннице.

спокоен, видя, что заказные похвалы скорее доходят из России к иностранным журналистам, чем мнения путешествующих литераторов (см. 2-ое письмо из Карлова, напечатанное в № 94 Северной Пчелы)».

В то же № Заметка Пушкина⁹⁰ «Новые выходки противу так называемой литературной аристократии столь же недобросовестны, как прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, Северная Пчела помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостью некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина – не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами – глупо. Не дворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки на счет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шуточки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей 18 столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: «аристократов к фонарю» и ничуть не забавные куплеты с припевом: «повесим их, повесим». *Avis au lecteur*. – В том же №. «В газете: *Le Furet* напечатано известие из Пекина, что некоторый Мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. – Издатель замечает, что Мандерину это стыдно, а журналисту здорово. – «В том же №. – В заметке, добродушно отражающей нападения на издателя Литературной Газеты сказано: «Издателю Северной Пчелы Литературная Газета кажется печальною: сознаемся, что он прав, и самую печальнейшею статьею находим мнение А.С. Пушкина о сочинениях Видока».

Московский Телеграф. № 14, июль. В рецензии на роман «Купеческий сынок» Полевой, выписав заметку Пушкина из № 45 Литературной Газеты, говорит: «Сомневаюсь, можно ли писать недобросовестней этого...» Он уважает гражданский строй своего отечества, уважает и заслуги русского дворянства; но конечно не станет добиваться дворянского звания, во-первых, не признавая для себя унижением свое купеческое звание, во-вторых, не почитая дворянское – «ручательством за ум, добродетель, а еще менее за литературное достоинство человека»... «И вот за последнее то мнение Литературная Газета ставит шуточки Полевого наряду с эпиграммами Маратов и французских революционных газетчиков. И издатели Литературной Газеты не стыдятся своего: *Avis au lecteur!* И это значит у них: Аристократов к фонарю! Как назвать такие ничтожные, бедные средства защиты?...» «Я только

⁹⁰ V. С. 95 – 96.

хотел указать на литературную недобросовестность Литературной Газеты. Опровержения она не стоит и не заслуживает. Я почитаю себя выше прений о подобных предметах. Дело в том, что Литературная Газета есть последнее усилие жалкого литературного аристократства, вот и вся загадка! Грамотность на литературное достоинство герольдия нынешней критики не только не утверждает современным литературным аристократам, но оспаривает оные и у тех литературных аристократов, которые давно похоронены с названием бояр. Теперь не дают пропуска на Парнас тем, которые лет за десяток называли себя помещиками Парнасскими. Разумеется, что таким помещикам горько приходится, но что делать? Литературный аристократизм довольно шалил у нас!..» «Прошу литературных аристократов верить, что в числе моих недостатков нет литературной трусости. Дворянские грамоты и дипломы ученые не спасут от меня худых писателей, хотя бы они были самые литературные друзья. Уже несколько лет тяжба судится с публикой, и едва ли решится в мою невыгоду. По крайней мере не литературным аристократам выиграть ее...»

Литературная Газета № 46. 14 августа. – О Сочинениях Фадея Булгарина. – Статья оценивает общую литературную деятельность Булгарина не сочувственно, но без раздражения. Литературная Газета № 47. 19 августа. Продолжение той же статьи, касающееся подробнее содержания сочинений Булгарина; написано раздраженнее; между прочим сказано: «Страннее всего авторская самоуверенность его в непогрешности своих наблюдений и приговоров. Не хвалит его сочинений, значит сделаться заклятым его врагом и накликать на себя колкости, в которых личность и намеренность выражений часто выходит из всех возможных границ. Истинное дарование скромно, а посредственность всегда заносчива»... «Везде посредственность шумит больше прямого достоинства...»

Северная Пчела № 101. 23 августа – Одиннадцатое письмо с Каменного острова в Карлово. ...» Довольно о соловье (певице Зонтаг). Поговорим и о других птицах. В Литературной Газете печатается критика на твои сочинения. Жаль, что почтенные издатели оной занимают в своем журнале столько места для выражения мысли, которую можно передать двумя стихами: «А нам хвалит какая статья? Ведь он не нашего прихода». – Вся критика состоит из общих мест, нятяжек и придилок. Тщетно будешь искать доказательств, доводов, ссылок, выписок из книги критикуемом. Теория сей статьи заключается в дипломатическом приговоре: Car tel est notre bon pkaisir, а практика из вариаций на тему: мы не любим Булгарина, следственно, он пишет дурно»... Литературная Газета № 50. 3 сентября. – «Сочинитель письма из Рима весьма справедливо заметил, что чужие литературные ссоры, кривотолки, пристрастные и недобросовестные суждения критиков иностранных приносят нам по слабости человеческой недостойное, но нужное утешение: «а! и у них тоже». В самом деле, в этом есть что-то утешительное.

Истинные любители поэзии часто досадуют, видя, как наши лже-критики ополчаются всеми силами своего тупоумия против того или другого из лучших наших поэтов и умышленно не хотят признавать в нем истинного таланта, признанного всеми просвещенными читателями. «Такой утешительный пример – может представлять из себя приговор Эдинбургского Обозрения первым произведениям Байрона, которому этот журнал ставил в образец превосходные стихи Роджерса. Стихи не были конечно превосходны, «но Роджерс, как известно, богатый банкир, живет в ладу со всем литературным, особливо журнальным миром. – «Он милый хлебосол, он к дружеству способен» - говоря стихом Баратынского; Роджерс пышно угощает всех современных поэтов и критиков: как же стихам его не быть превосходными?.. Повторим еще: а! и у них то же!»

Сын Отечества № 36 6 сентября. – Смесь – Ящик – Продолжение возникшей полемики с Литературной Газетой из-за сочинений Масальского: «Терпи казак» и «Классик и Романтик», к которым Литературная Газета относилась не сочувственно. – О Литературной Газете сказано: «Беспрестанно твердя о гостинных и вежливостях Газеты бранит без пощады всех писателей, не имеющих счастья принадлежат к ее приходу. Чем охотнее читает публика какой-либо журнал или какого-либо писателя, тем более нападает на них беспристрастная Газета. Выжигин и Дм. Самозванец погибли от ее перунов. Даже будущий роман Булгарина, о котором он еще и не думал, разбранен Газетой заблаговременно (Выноска: В № 45. Литературной Газеты сказано, что в Allgemeine Zeit. Булгарин сравнен со Стерном, Мерсье и многими другими известными европейскими писателями. Не решаясь обвинить в пристрастии иностранный журнал, Газета говорит, что похвалы сего журнала Булгарину написаны по заказу. Как назвать подобные извинения? Пусть Литературная Газета приищет слово повежливее. Нам кажется, что приписывать другому лицу что-либо худое без всякого основания, а по одной личности и не благорасположению к сему лицу, значит клеветать. Просим Литературную Газету представить доказательства, что похвалы Булгарину в Allgemeine Zeit заказные, и тогда назовем ее благонамеренною и чуждою клеветы».

Литературная Газета № 51. Сентябрь 8. – «Второй том Истории русского народа вышел в свет и раздается подписавшимися. Сочинителю остается издать к концу нынешнего года остальные десять томов. Мы уверены, что все сии томы уже написаны и что какие-нибудь типографические затруднения замедлили появление ныне вышедшего 2-го; уверены вопреки мнению некоторых других журналистов, что г. Поляков не стал бы собирать подписку и деньги за такую книгу, которая у него еще в уме, а не на бумаге. В противном случае он, конечно, поступил бы простодушнее с подписчиками своими, и вместо объявления об Истории, уже готовой и доведенной до Адрианопольского трактата, он напечатал бы свое объявление в следующем

или подобном смысле: «Заплатите мне вперед деньги по столько-то за экземпляр, а я вам берусь написать в течение двух-трех или более лет, смотря по силам и возможности, Историю русского народа». Тогда люди терпеливые и надеющиеся дожить до издания сей Истории, конечно, подписались бы на нее; другие с такою же откровенностью, как и сам сочинитель, сказали бы ему: «Напишите, сударь, и напечатайте; тогда и деньги вам с. отдадим». Впрочем, со всей уверенностью нашей в том, что г. Полевой выполнит в точности обязанность свою перед публикой, мы все же не можем не подивиться, как успеет напечатать он 10 больших томов в оставшиеся 4 месяца, если большая половина сих еще не набрана и не печатается, или если он не считает, что для рождения Истории русского народа каким-либо удом соединяется два года в один, подобно как для рождения Геркулеса две ночи слились в одну?... Подождем и посмотрим.

Северная Пчела № 110 сентябрь 13. – чрезвычайно сочувственный отзыв об Истории Полевого – Ф.Б. «...Повторяю однажды уже сказанное, то История русского народа – сочинение г. Полевого есть такая книга, которую не только можно, но должно и непременно должно прочесть после Истории Карамзина, и что каждый любитель отечественного обязан даже иметь ее. Лышу себя надеждой, что я заслужил доверенность публики, и что в этом случае она поверит словам моим более, нежели тем отвратительным нападкам, которые превращают литературное поприще в какое-то торжище и унижают звание литератора. Почтенный, добрый, благородный Карамзин сказал, что первая потребность писателя есть доброе сердце. Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти, рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать». Северная Пчела № 3 Сентябрь 16 – «В здешнем журнале Furet мы нашли чрезвычайно остроумную шутку. Издатель, сказав, что один из знатных читателей жаловался ему, что журнал его занимателен, напечатал в ответ рецепт, как делать отличный пудинг».

Московский Телеграф. 1830 г. № 17. Сентябрь. Новый Живописец общества и литературы «Вольный мученик». Сатирический портрет Увара Сарвиловича Прибыльского, ничтожного светского человека, который основывает свой успех в обществе только на знатности своего рода, «одержимый бесом знатолюбия». Вся сатира, без сомнения, направлена не на Пушкина, но в следующих словах есть прямой намек на полемику. – «Будь потомок хоть Еруслана Лазаревича, будь все твои отцы генералы, а все матушки княгини фон и де, и фан, сын крестьянина украшается перед тобою звездами и лентами, предводит полки, заседает в Государственном совете, правит областями, а ты, потомок Еруслана, от корня доброго гнилой сучок, негодный, знай, что местничества в России нет и не будет, сиди в своей конуре, дуйся, как лягушка Езопова, и хлопай длинными ослиными ушами...»

Литературная Газета № 55 сентябрь 18 – Эпиграмма Пушкина – «Ты целый свет уверить хочешь, что был ты с Чацким всех дружнее: ах ты бесстыдник, ах злодей! Ты и живых бранишь людей, да и покойников порочишь».⁹¹ В отделе Смесь: – «Горестно видеть, что некоторые критики вмешиваются в мелочные выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти к какому-либо известному писателю, намеки и указания на личные его свойства, поступки, образ мыслей и верование. Душа человека есть недоступное хранилище его помыслов: если сам он таит их, то ни коварный глаз неприязни, ни предупредительный взор дружбы не может проникнуть в сие хранилище. И как судить о свойствах и образе мыслей человека по наружным его действиям? Он может по произволу надевать на себя притворную личину порочности, как и добродетели. Часто по какому-либо своенравному убеждению ума своего, он может выставлять на позор толпе не самую лучшую сторону своего нравственного бытия; часто может бросать пыль в глаза черни своими странностями. Анекдот об отрубленном хвосте Алквадовой собаки всем известен; странные поговорки, прыжки и увертки Суворова в живой еще памяти у всех русских. – Лорд Байрон часто был обвиняем в развратности нрава, своекорыстии, непомерном эгоизме и безверии: личные неприятели знаменитого поэта, женщины, лжесвятые-методисты и некоторые благосклонные журналисты без умолку так о нем и трубили, а один присяжный или увенчанный поэт назвал его поэзию сатанинскою». Опровергнув подробностями жизни поэта, чуждой всякого своекорыстия, эгоизма и низкой чувственности, но исполненной благородства, великодушия и внутренней веры, эти обвинения, автор заметки заключает: «вера внутренняя перевешивала в душе Байрона скептицизм, выказанный им местами в своих творениях. Может быть, даже, что скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной».

Литературная Газета № 54 сентябрь 23. – Заметка бар. Дельвига – На сих днях г. Ф.Б. издатель Северной Пчелы обнародовал нижеследующую прокламацию, которою повелевает всем русским покупать Историю русского народа (Выноска: Перепечатаваем из № 110 Северная Пчела эту официальную бумагу и, по праву издателей газеты, позволяем себе окружить ее некоторыми замечаниями): «Чуждый зависти и всех литературных мелочей, я всегда отдавал справедливость жесточайшим моим противникам (Выноска – 2: Кто сии жесточайшие противники г. Ф.Б.? Уже не те ли, которым не нравится его нравственно-сатирические и нравственно-исторические романы? В таком случае вместо эпитета: жесточайшие», следовало бы сказать «невольные и многочисленные». С появления сих несчастных сочинений, издатели

⁹¹ Относится к воспоминаниям Булгарина о А.С. Грибоедове в Сыне Отечества 1830 г. № 1 и 2; упомянуто и в заметке о Записках Видока.

Северной Пчелы разгневались на всех писателей, отличных талантами и познаниями, и причислили их к особому приходу); но теперь с удовольствием говорю истину о труде писателя самостоятельного, благонамеренного и пламенного любителя просвещения (Выноска – 3: Речь идет об истории русского народа). Занимаясь с любовью всю жизнь историей и преимущественно русскою, осмеливаюсь сказать явно, что я в состоянии судить об истории (Выноска – 4: Какова логика: я целую жизнь занимаюсь историею, чтоб уметь судить о ней: надо еще прибавить к сему одну безделицу: ясный наблюдательный ум, не всем и не без пристрастия раздаваемый природою и пр.)). Указав в выноске 4 на недостатки Истории Полевого, в которой «и политика, и философия, и критика не узнают себя». («Вся философия историческая заключается в том одном, чтобы никакой философии не вмешивать в историю, которая сама в себе заключает вечную, ничем неизменяемую философию, распространение единой мысли Всесоздателя. Пишите историю, не мудрствуя лукаво, и в ясном изложении событий политика сама собою выкажется. Но для ясного изложения истории недостает в нашем историке искусства владеть русским языком, который, к сожалению, совершенно ему не повинует, и порядка в мыслях и в расположении оных»). – Дельвиг отражает нападки, собственно, на Литературную Газету. Выноска 5: «Следующие за строгим приказанием покупать Историю русского народа убеждения г. Ф.Б., что словам его должно верить, напомнили нам невыдуманный анекдот, кажется, нигде еще не напечатанный: некто, почитающий себя классиком, браня романтизм, важно говорил однажды знакомому молодому поэту: Ну, послушай, любезный, ведь ты меня знаешь, не правда ли? Ведь я частный человек? Ведь мне никакой пользы нет тебя обманывать? Поверь же милый старику, и Шиллер твой и Гете – не писатели, а дураки!» Выноска 6: «Забавно читать в Северной Пчеле цитации из Карамзина и нападки ее на грубую брань, клеветы, сплетни и пр. и пр. Все сии качества и притом еще неуважение к талантам всегда ей принадлежали, принадлежат и вероятно будут принадлежать. Карамзин и по окончании связывает между собою узами любви к таланту своему всех отличных русских писателей, которых ни Телеграф, ни Пчела никакими ругательствами не унижить, ибо достоинства их основаны не на модных картинках и тому подобных пустяках, но на глубоких познаниях отечественного языка и на бескорыстной любви, известной одним талантам, к своему искусству».

Северная Пчела № 114. Сентябрь 25 – Полемика с Литературной Газетой из-за певички Зонтаг, которая давала Булгарину новый повод для нападения на своих противников.

Северная пчела. № 116. Октября 1. – «Не знаю, читаешь ли ты Литературной Газеты эту летопись скуки. Вряд ли! Желая обратить на себя внимание чем бы то ни было и видя, что нападки ее на авторов не могут

привлечь читателей, Литературная Газета чтоб как-нибудь да заставить говорить о себе, стала унижать талант г-жи Зонтаг. Бедная Литературная Газета! Она наконец достигла своей цели: об ней заговорили, после брани ее на Зонтаг. Но что заговорили? Упаси, Боже! И пр. и пр.».

Московский Телеграф № 19. Октябрь. – В Новом Живописце общества и литературы «Делать карьер». Грубые понятия о службе как о беспрекословном подчинении своему ближайшему начальнику сменились не более высокими понятиями о гражданской чести, гражданских обязанностях – главным образом понятием «карьер»; оно понимается, однако, не одинаково, хотя и стало присуще почти всем, в условиях современной жизни. – «Некоторые утверждают, что деланье карьера есть не что иное, как старинное местничество, выродившееся и переродившееся с веком. В самом деле: какой-то писатель не посовестился сказать, что старинное местничество заменяло у предков наших *point d'honneur*. Прочтите в Северных Цветах, сброд слов, названных мыслями (28 г. стр. 216).⁹² Если согласиться с этим, то деланье карьера точно есть изменившееся местничество»... «Если карьерство распространит свое пагубное влияние, если оно заменит и простое, безотчетное желание служить, бывшее у наших предков, и высокое чувство быть полезным отечеству, которое должно одушевлять нас, без всякого искательства наград и почестей, то мы не в большом выигрыше останемся от своего нового образования. Благодаря новому образованию, и без того уже мы заменили кулачное право наших предков ничтожным *point d'honneur*, которое велит драться за неучитное слово, прикрывая бездельничество и наглость шпагою или пистолетом; мы перестали пить и играем в карты; мы не запираем жен своих и промотались на их наряды: обмены невыгодные! Променять местничество на карьерство не значит сделаться просвещеннее своих

⁹² Северные Цветы на 28 г. отрывок из писем, мысли и заметки (Без подписи Пушкина). – «Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности пожертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию спесивую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могучий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов». Там же – в следующей заметке поэт говорит: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило, – говорит Карамзин, – ставить уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения. Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистью некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им преданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?.. Среди этих же заметок находится благоговейный отзыв о Карамзине, заключающийся словами: «Повторяю, что История государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Сочинения. V. 63 – 59.

предков... неужели же напрасно сжег ты Разрядные книги, мудрый Феодор? Неужели вотще действовал ты, Великий Петр, служа барабанщиком, солдатом и матросом? Но твоя дубинка еще цела и как хорошо было бы выгнать ею из многих голов жалкую мысль деланье карьеров»... «Я сказал, что деланье карьера распространяется ныне и в других отношениях. Впрочем, в литературе деланье карьеров существовало прежде, а теперь оно совсем упадает, ограничиваясь разве самою безделкою; дубинка критики неумолима, и от нее разлетался уже круг знаменитых друзей, высшая точка, до которой достигали на литературном карьере». В том же Живописце – *Литературные и журнальные редкости*. – «Давно жалуются наши поэты на недостаток предметов поэзии... В нынешнем году бедность поэтическая дошла до последней степени. Поневоле места знаменитейших поэтов наших заступают г-да Шевыревы и Трилунные... Что же придумали наши великие поэты? Они дают перепечатывать свое старье, давно напечатанное, не сказывают журналисту, а тот бедный принимает старину их за новость! Стихи: К цыганке, сочинение А.С. Пушкина, К П*** сочинение В.А. Жуковского, Цыганская песня, сочинение А.С. Пушкина (все в № 1 Славянина, сего 1830 г.); Четверостишие, сочинение г-на Б. (в № 13 Слава.) выдаются читателям за новость... Не совестно ли поэтам так жестоко шутить с добродушным журналистом! И без того сколько литературных грехов лежит на Славянине и его издателе... Например, он перепечатывает стихи из Литературной Газеты и уверяет, что это делается для ознакомления публики с нею. Бедная Литературная Газета! Славянин принужден знакомить тебя с публикою!»...

Литературная Газета № 56. Октябрь 6. – Шевырев отозвался из Рима на выходку Булгарина (в Северной Пчеле № 94), уличая в недостоверности сообщений и требуя отчета. В то же № рецензия на сатирический роман Сем. Селивановского – «Купеческий сынок или следствие неблагоприятного воспитания». Рецензент приводит роман в связь с издателем Московского Телеграфа. – «Русский историк теряет на пустяки драгоценное время, которое бы ему следовало посвятить изучению отечественного языка и нужным размышлениям; или употребить оное на скорейшее издание очень запоздалых №№ Московского Телеграфа. Самонадеянность заразительна. Мы не смеем подозревать издателя Телеграфа в сочинении нравственно-сатирического романа «Купеческий сынок»; но как не согрешить и не заметить, что сочинитель сей жизни писал под его влиянием»... «В 14 № Московского Телеграфа дабы намекнуть читателям в каком роде эта книжица, помещена вместо разбора брань не на нее, а на Литературную Газету и кн. Вяземского, стараниями коего Телеграф был поставлен на степень хорошего журнала. Но едва кн. Вяземский перестал участвовать, то похвалы ему прекратились и благодарность пропала, которой, впрочем, он никогда не требовал, равно как Литературная Газета не ищет оправдываться в обвинениях Телеграфа, Северной Пчелы и Сына Отечества. Мы раз уже сказали и теперь повторим,

что мы ничего общего с сими журналами не имеем. Цель нашей газеты не деньги, а литература. Писатели, участвующие в нашем издании, желали, чтобы издавалась Газета, в которой бы могли они беспристрастно и нелицеприятно говорить о литературе русской и иностранных, не находя препятствий в коммерческих видах издателя. Как они желали, так и исполнилось»...

Северная Пчела. № 120. Октябрь 7. – «Я чрезвычайно благодарен одной Газете: она усыпляет меня ежедневно гораздо скорее всех наркотических средств, а это также не малая польза».

Литературная Газета № 58. Октябрь 13. – Издатель объявляет о подписке на следующий год издания Литературной Газеты, которая будет по-прежнему выходить в свете, несмотря на то, что «несколько журналистов, которым Литературная Газета кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей решительный, по их мнению, удар: они хотят в конце года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенный ими до *pes plus ultra* неприличия и грубости и тем отбить у нее подписчиков. «Но издатель» не будет отбраниваться даже и тогда, когда сверх всякого чаяния демон корыстолюбия им овладеет: ибо вышеупомянутые журналисты без всякого постороннего участия вредят себе, ежедневно хвастая перед читателями положительным своим невежеством и ничуть не любезными душевными качествами». Литературная Газета № 59. Октябрь 18. – По поводу одной санитарно-гигиенической книжки было сказано следующее: «Здесь место сказать, что отечественная заботливость Монарха, меры и распоряжения, принятые правительством, и обильное снабжение здешней столицы всеми предохранительными средствами, отстраняют от нас, жителей Петербурга, самую тень опасности. Да и опасность не так велика, как некоторые воображают ее. Жаль, что иногда представляют нам ее в слишком увеличенном виде. В доказательство приведем перечень одного письма из Астрахани от 18 сентября... В № 103 Северной Пчелы помещено известие о холере, где между прочим сказано, что в Астрахани из 12 частных приставов умерло 8. Откуда гг. издатели почерпнули эти сведения, Бог знает; и как можно напечатать, что в Астрахани 12 частей, когда в Петербурге их только 13? Издателям Северной Пчелы стыдно не знать статистики Русского Царства; но со всем тем, ошибочная статья напечатана во всенародное известие. В Астрахани 3 части, столько же частных приставов и 12 квартальных надзирателей, из сих последних 8, равно как и полицмейстер и один частный пристав точно были больны, но не один не умер». Затем опровергается достоверность и других цифр, сообщаемых Северной Пчелой. «Все это взято мною – заканчивается корреспонденция – из официальных бумаг»...

Северная пчела № 126. Октябрь 21. – Уведомление. – «Северная Пчела из уважения к своим читателям и по чувству собственного достоинства почитает неприличным отвечать на брань и нелитературные выходки, печатаемые почти в каждом № так называемой Литературной Газеты. Но

бывают случаи, в коих молчание не извинительно. Такой случай представился ныне. В № 59 сей Литературной Газеты напечатано письмо, якобы полученное издателем оной из Астрахани, и в сем письме уведомляют их, что известия, помещенные в Северной пчеле о смертности, бывшей в Астрахани, ложны. Гг. издатели Литературной Газеты присовокупили к тому собственное слово благонамеренное замечание, в котором говорят, что Северная пчела пугает народ, когда должна его успокаивать. – Издатели Северной Пчелы честь имеют объявить, что они не брали и никогда не возьмут на себя роли пугать или успокаивать кого бы то ни было ложью и выдумками: они не помещают в своей газете никаких частных уведомлений о ходе и распространении холеры, а печатают одни те известия, которые сообщаются им официально Высшим Правительством, извлеченные из донесений местных начальств. И самое то обстоятельство, что в официальном известии, напечатанном в Северной пчеле, о состоянии Астрахани показано умерших более нежели в частном письме Литературной газеты, должно убедить публику, что Правительство действует во всем откровенно, следовательно, что ему одному должно верить, и на него только надеяться, оставляя без внимания слухи, толки и частные известия, распространяемые по внушению мелких страстей или по каким-нибудь видам».

Литературная Газета № 60. Октябрь 23. – «Северная Пчела давно уже упрекает Литературную Газету в охоте клеветать на нее. Она два раза уже укоряла издателя оной, будто бы он выдумал, что г. Ф.Б. пишет роман: Петр Ив. Выжигин; теперь же в 126 № не верить существованию письма, из коего в 59 № Литературной Газеты выписано доказательство, как Северная Пчела бывает не точна в своих известиях. Издатель Литературной Газеты приглашает издателей Северной Пчелы собственными глазами убедиться в достоверности и официальности сего письма; оно находится у него; а на первые укоры отвечает, что он о рождении нового Выжигина слышал от Н.И. Греча и от книгопродавца, торговавшего его. Для полного же доказательства, что Литературная Газета беспристрастна, издатель ее давно уже желает, чтобы г. Ф.Б. написал хороший роман; хвалить же Ив. Выжигина и Дм. Самозванца нет сил. Что же делать! Как же быть!»

Северная Пчела № 130. Октябрь 30. – Косвенные нападки на Литературную Газету на несправедливость и пристрастие ее литературных приговоров.

Литературная Газета № 65. Ноябрь 17. – Рецензия на Историю русского народа, т. 2 – «...И во втором томе видим арлекинскую пестроту выписок, суждений, не сливающихся искусных соображений оттенков с главною основою, но кидающихся в глаза яркими заплатами, вшитыми кое-как в основу, худо сотканную...И здесь, как в первом томе, а может быть, еще и более, накинута на Историю русского народа клочки, вырванные наудачу из Гизо, Тьери, Кузенья и многих других. Не всегда можно по горячим следам

уличить Автора в похищении; но по неловкости его, по противоречию одеяния его угадываешь, что он ходит в чужом платье и пр. и пр.»

Северная Пчела № 141. Ноябрь 25. – Сочувственное извещение о подписке на Московский Телеграф. 1831.

Северная Пчела № 150. Декабрь 16. – Объявление о выходе «Петра Выжигина».

В дополнение к этой полемике – 30 г. следует упомянуть, что она поддерживалась также Северным Меркурием, журналом, издаваемым Бестужевым-Рюминым. Издатель напал на Литературную Газету по примеру других за кумовство и недобросовестность литературных приговоров, имея главным образом в виду бар. Дельвига; но затрагивал и Пушкина. Нет нужды следить за шутовскими нападками Бестужева-Рюмина и считаться с его вмешательством в полемику; достаточно отметить, какого тона держался он, разжигая вражду, чтобы понять их место и значение среди нападков Полевого и Булгарина. – В № 49 Северного Меркурия. Апрель 23 был помещен рассказ: Сплетница; вот он в главной своей части: «Ну, вот, мать моя Матрена Алексеевна – все благоразумные люди предвидели, что дружбе твоей с Маврой Ивановной и Эмилией Венедиктовной не долго сдобровать; но никто не мог угадать, чтобы мир ваш недавно заключенный рушился так скоро». Так кричала Аделаида Антоновна Габенихтсина⁹³, приехав в Матренс Алекс. Лесной.⁹⁴ – Прежде нежели я опишу сию сцену, нужным нахожу предварительно сказать читателям несколько слов о лицах, которые в ней действуют. Мавра Ивановна Крупица,⁹⁵ Эмилия Венедиктовна Критиковская,⁹⁶ Матрена Алекс. Лесная и Аделаида Ант. Габенихтс – все 4 суть содержательницы магазинов, в коих торгуют они одинаковыми товарами, только различной доброты. М.И. Крупица и Э.В. Критиковская содержат один магазин пополам, а М.А. Лесная торгует в нем одна. Эти два магазина лучшие противу прочих; оттого они более любимы публикой и привлекают к себе более прочих покупателей. Правда, случаются иногда и в этих двух магазинах, по неосмотрительности хозяек, товары не совсем хорошей доброты; но можно ли в постоянной торговле соблюсти всегдашнюю аккуратность (коммерческое выражение)?.. А.А. Габенихтсина открыла свой магазин очень недавно, не более четырех месяцев тому назад. Разумеется, она в первый раз, подобно другим магазинщикам, пустилась на хитрости: сделала приманчивую вывеску к своему магазину, и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нескольких своих приятельниц, будто бы не хотевших выставлять напоказ в других магазинах свое рукоделье. Если правду говорить, то она при

⁹³ Бар. Антон Дельвиг.

⁹⁴ Н.А. Полевой.

⁹⁵ Н.И. Греч.

⁹⁶ Фаддей Венедиктович Булгарин

открытии своего магазина имела цель довольно основательную; некоторые из реченых ее приятельниц работали прежде прилежно, стараясь по возможности представлять изделия свои в лучшем виде, и потому продавали их весьма успешно, хотя и крайне дорогою ценою. Впоследствии они, избалованные тем, что имели много покупателей, стали лениться и начали работать кое-как лишь бы с рук сбыть да взять денежки. Публика, увидев, что за решительный вздор по 5 или 10 рублей платить не для чего, естественно охладела к покупке рукоделья приятельницы Адел. Антон... Эта последняя, видя, что дело приходится плохо, рассудила открыть свой магазин, чтобы иметь случай подавать голос в пользу своей приятельницы и защищать их от огласки других магазинщиц, которые начали указывать на них пальцами. Если теперь поступает в продажу что-нибудь из рукоделья ее приятельниц, то Аделаида Антоновна так и рассыпается мелким бесом, и не знает, как бы лучше расхвалит мастерство дорогой кумушки. Так, например, однажды она восклицала: «Купите, мои милостивцы, купите, мои родные, купите, мои голубчики! Эта штучка произведет над вами такое же действие, как зрелище некогда милых нам мест, но уже оставленных теми особыми, которые их одушевляли. Прелесть их не изменилась: но мы (Выноска: В этом случае под словом мы Ад. Ан. Разумела себя и ту мастерицу, о работе коей шло дело, которая невидимо для покупателей подсказывала ей речь сию), рассматривая их, напрасно хотим воскресить в душе те чувствования, которыми наполнялась она в прежнее время. Мастерица до такой степени совершенства довела искусство свое, что вы, пока еще не успеете заметить оно, станете мысленно укорять мастерицу в недоконченности целой ее работы. Но это желание перемены в чувствованиях и неудовлетворенность надежд, есть верх искусства художницы. Власть ее над нами столь сильна, что она не только вводит нас в круг изображаемых ею предметов, но изгоняет из души нашей холодное любопытство, с которым являемся мы на зрелища посторонние, и велит нам участвовать в действии самим, как будто оно касалось до нас собственно. Всем известен анекдот об одном короле, который бывал недоволен собою, слушая своего проповедника». Окончив длинную свою панегирику, А.А. прокричала да саро: «купите, милостивцы, купите, мои родимые, купите, мои голубчики!» - В другой раз как-то заметил А.А., что в расхваливаемом ею рукодельнице ее приятельницы есть много чужого, принадлежащего искусству другой художницы. Ах, как тогда разворчалась А.А. Вот что она говорила: «Что в, что вы, злые люди. Мастерство дорогой моей Александры Сергеевны⁹⁷ лучше всех защитников отвечает за себя своими красотоми!.. Если чем она и занялась от других, то сими хищениями удачно, с искусством ей свойственным, украсила превосходное свое рукоделье!..» В третий раз при выставке одной старой работы, которая была

⁹⁷ Пушкин

уже известна, А.А. восклицала: «Добрые люди! глядите и пересматривайте с восхищением это поновленное рукоделье дорогой моей кумушки Ал. Серг. Человек не лишенный чувства изящного не устанет смотреть на подобные вещи, как охотник до жемчуга пересматривать богатое ожерелье. В каждый новый раз удовольствие усугубляется потому, что все более и более убеждаешься в неподдельной красоте этой ценности. Дорогая моя кумушка, Александра Сергеевна достигла в этой вещи до неподражаемой зрелости искусства и во многих местах обнаружила истинное дарование, с большим блеском, впоследствии развившееся в двух других ее рукоделиях (NB из коих одно, по словам А.А.), хотя и за 5 лет перед сим сделано, но кроме ее, Ад. Антон. И дорогой ее кумушки Александры Сергеевны, едва ли и двум еще христианским душам известно; следственно неведомое для всех можно превозносить до *pes plus ultra*. Кто будет спорить о том, чего не знает? Уловка мастерская! – Хитра же А.А.! Честь ей и слава! *Vive l'amitié*» № 50. Апрель 25. – «Из всего вышесказанного читателя ясно видят (впрочем, они давно уже знали это и без сего указания), что А.А. большая художница в искусстве расхваливать рукоделье своих приятельниц. Мы люди беспристрастные и скажем, что одна из них, о которой говорено выше, Александра Сергеевна действительно была прежде из лучших мастериц в своем роде, но начав лениться, стала рукодельничать плохо, думая, что покупатели не разглядят истинного достоинства новой ее работы, которая по-прежнему будет сходить с рук удачно. Но вышло совсем иначе. Между тем как впоследствии появились новые молодые художницы, которые и первыми опытами своего искусства поселили во всех приятную и несомненную надежду, что они в скором времени, если не перещегооляют Александру Сергеевну, то по крайней мере войдут в счастливое с нею соперничество. Разумеется, что это произвело роковой удар для сей последней, которая, быв сама чрезвычайно убеждена в превосходстве своего дарования, самолюбивее в этом отношении всякой другой. Из числа сих грядущих соперниц Александры Сергеевны можно отличить противу прочих Людм. Иван., родом Киевлянку; жаль, что произведение ее забыто мною, но оно, если не ошибаюсь, припоминает что-то о прекрасной Подолии.⁹⁸ Людм. Ив. Недавно представила одно весьма милое произведение своего искусства, которое только что попало в руки Ад. Ант., сделалось жертвою своевольных ее причуд: оно по силе такого-то § устава, утвержденного при заключении ею с своими приятельницами заветного союза, изгрызла зубами и исцарапала когтями маленькое рукоделье Людм. Ив. и пр. и пр.». Далее воспроизводятся другие подробности уже изложенной полемики в таком виде: Аделаида Антоновна приезжает в магазин к Лесной и припоминает ей выражения из Сына Отечества, относящиеся к ней,

⁹⁸ Подолинский. Поэма: Нищий, на которую Дельвиг поместил в Литературной Газете несочувственную рецензию.

истолковывая их в дурную сторону; но Лесная, рассердившись, раскричалась на нее, обозвала сплетницей и Ад. Ант. «пристыженная» выбегает стремглав из магазина; толпа уличных ребятишек бежит за ней и кричит: «сплетница, сплетница!»...

В 1831 г. обстоятельства во всех отношениях переменились, и полемика не могла развиваться в тех же условиях. Булгарин и Полевой охладели друг к другу и перемирие их кончилось; после выхода первых номеров Литературной Газеты скончался бар. Дельвиг, и журнал вскоре превратился. За то Надеждин основал Телескоп и в нем продолжал нападки на Полевого и Булгарина; но журнал Надеждина не мог заменить Пушкину Литературную Газету, несмотря на примирение двух бывших врагов, отношения их никогда не стали дружественными. Один случай дал Пушкину повод поместить в Телескоп две полемические статьи, направленные против Булгарина. В них без прежнего возбуждения, но уже без всякого иносказания клеймится литературная деятельность жалкого писателя, достигшего происками и оборотливостью огромного влияния. Эти полемические статьи были последними. Между тем вражда со стороны противников продолжалась, преимущественно в Московском Телеграфе; Булгарин, оставленный в покое, приутих, держась в своих критических отзывах умеренного тона охлаждения к поэту. Идеальная вражда Полевого должна быть упорнее...

Литературная Газета № 3. 11 января. — Объявление. «Переписываются набело: «Записки Марфы Ивановны Выжимкиной», или совершенно новый нравоописательно-сатирический, географо-исторический и нравственно-поэтический роман XIX века». «Читая неоднократно в Северной пчеле о том, что публику страх как занимают рассказы Ив.Ив. Выжигина, и что скоро появится на позорище мира новорожденный П.И. Выжигин и сличая с рассказами первого записки о собственных приключениях и наблюдениях, г-жа Выжимкина решилась обнародовать оные записки (истинный роман!) в твердом и совершенном убеждении, что они будут не менее занимательны и еще более добротны. Итак, сей роман разделяется на 3 части: 1) просто романическая во время компании, 3) романически-сатирическая после компании. При каждой части она намерена приложить портрет свой, один во время ребячества ее, другой во время французской войны в самом цвете ее (сделанный прекрасным венским художником), а третий уже после войны под старость. Образчики сего романа будут напоказ помещены в некоторых повременных изданиях; портреты и образцы типографской работы будут выставлены за стеклами в книжных магазинах и пр.» Подписано С.П. Галуховский.

Северная Пчела. № 5, январь 13. — Жалобы на резкие нападки Литературной Газеты; осуждения приятельского пристрастия, цели издания — для некоторых, для немногих, наконец упорной вражды к Булгарину. «Какую бы книгу ни разбирали в Литературной Газете, всегда приплетут имя автора

Выжигина. О чем бы ни рассуждали гг. издатели сей Газеты, всегда начнется или кончится бранью на автора Выжигина. Все старания, все усилия Литературной Газеты клонятся к тому, чтобы лишить издателя Пчелы и автора Выжигина благосклонности публики, и, как говорится, натолковать, накричать, что издатель Пчелы и автор Выжигина и Дм. Самозванца не должен быть читаем публикой. По счастью, Литературная Газета издается не для публики, а для некоторого числа писателей! Многие удивляются долготерпению издателя Северной Пчелы и автора Выжигина и Самозванца, который, будучи браним самым непристойным образом через каждые шесть дней, и не вздумает сказать слово в свое оправдание. Не сказал и не скажет, а представляет решение дела здравому смыслу публики, которая всегда справедлива и беспристрастна в своих суждениях и всегда берет сторону тех, которых хотят оскорблять из личностей. Публика любит жрецов муз, а не жрецов Немезиды».

Московский Телеграф № 1. Январь. – Журналы и газеты русские. – Указываются недостатки Северной Пчелы, бесцветность, отсутствие определенных, прямых литературных мнений: «мнения их (издателей) как-то неискренни, не резки, и более похожи на ложную тревогу в мирном лагере, нежели на открытый бой с нестерпимым врагом. В известиях о книгах они стараются сказать ничего решительного или обращают свои стрелы на предметы, не стоящие того. Странно читать нападения жестокие на переводы нелепых книг, ... между тем, как вздорные произведения литературной знаменитости и злоупотребления литераторов с именем получают отзывы двусмысленные!»

Северная Пчела № 6. Январь 15: «Издателю Московского Телеграфа, конечно, памятно прежнее издание Сына Отечества и бывшие в оном критики... Просим вспомнить, что в Северном Архиве была высказана знаменитым литератором вся правда. В Северной пчеле также никогда не называли белого черным, а черного белым и пр.»

Московский Телеграф № 2. Январь. Рецензия на «Бориса Годунова», в которой рецензент (Полевой) говорит, что трагедия есть великое создание русского поэта; в ней Пушкин становится «выше всех современных русских поэтов»; но в смысле общеевропейской поэзии только «надежда на будущее». «Первый опыт поэта в новом роде, - смел, отважен, велик для русского поэта, но не полон, не верен для поэта нашего века и Европы... Язык русский доведен в «Борисе Годунове» до последней, по крайней мере, в наше время степени совершенства; сущность творения, напротив, запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такой даже по исторической основе творения, когда Пушкин рабски влекся по следам Карамзина в обзоре событий, и когда посвящением своего творения Карамзину, он невольно заставляет улыбнуться, в детском каком-то раболепстве называя Карамзина – Бог знает чем! Это делает честь

памяти и сердцу, но не философии поэта!...» Эти мысли были развиты Полевым в Московском Телеграфе 33 г. №№ 1 и 2.⁹⁹

В № 9 Телескопа была помещена рецензия на следующие книги: «Хлыновские степняки Игнат и Сидор или дети Ив. Выжигина. Сочинения А. Орлова. – Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ив. Выжигина, роман А. Орлова. Смерть Ив. Выжигина, нравственно-сатирический роман; сочинение А. Орлова с портретом Автора и родословною Ив. Выжигина», а также новый роман Булгарина. Этот Орлов был бездарный литератор, писавший один за другим романы как бы в пародию болгаринским, – совершенно ремесленные и нелепые. Рецензент Телескопа, разбирая эти нелепые романы наравне с болгаринскими, не делая различия между теми и другими, вызвал понятное возмущение в Сыне Отечества. В № 27 Греч вступился за литературную славу своего друга. ...» Нет нумера Телескопа или его спутницы Молвы, в которых не был бы задет или побранен Ф.В. Булгарин. Читателям Северной Пчелы и Сын Отечества известно, что на все эти выходки и брани не отвечал он ни строкою, ни словом. Казалось, это долженствовало бы притупить злобу неутомимого наездника? Нет! Ныне в 9-ой книжке Телескопа она разразилась с большей против прежнего яростью в рецензии на новый роман Булгарина: П.И. Выжигина... Там взяли две глупейшие, вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки, сочиненные каким-то Орловым и выписки из них смешали с выдержками из романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами и, таким образом, решили достоинство нового сочинения. Этого не довольно. Вывели вновь на сцену прежнего Выжигина и стали над ним издеваться, остриться и тупиться. Эти несчастные не постигают, какую пользу Ив. Выжигин принес нашей читающей публике. В сем романе выставлены не карикатуры, а верные изображения средних классов нашего общества, коснеющего в веригах непросвещения и всех происходящих оттого недостатков и пороков. Именно то свидетельствует в истине и верности наблюдений и картин нашего автора, что книга его разошлась в публике среднего состояния. Польза от сего чтения очевидна, и только одна закоснелая невежественная зависть может утверждать противное. Смешно, что некоторые наши критики, какой-нибудь приглашенный кваском семинарист или крещеный в чернилах канцелярский чиновник, с гордостью и чванством вступаются за права высшей публики по тону и образованию и ее именем изрекают проклятие картинам народным! Мы

⁹⁹ Убеждение, что Пушкин при создании своей трагедии был вне зависимости от Истории Карамзина, перешло, как известно, и к Белинскому. Ныне, благодаря точному сличению источников, которыми пользовался Пушкин для своей трагедии с Историей Карамзина и некоторых других данных пр. Жданову удалось доказать, что никакой зависимости не было, что Пушкин пользовался летописными источниками. Белинский не занимался изучением истории и ошибка его понятна, но ошибка автора Истории русского народа, выпускавшего тогда в свет свое сочинение – едва ли простительна.

сбили! Мы решили!...» «Побранив порядком Ив. Ив., рецензент нападает на Петра. – Бранит немилосердно, а сам пустословит еще немилосерднее. Вот в чем он обвиняет новый роман: «Ему, автору, неизвестны самые главные обстоятельства священной отечественной войны, ибо он называет князя Кутузова Светлейшим перед Бородинским сражением, когда он был еще только графом. Он не знает русских нравов и обычаев, поелику заставляет солдат читать наизусть подробные реляции о сражениях, коих целость всегда составляет тайну Главнокомандующего вождя; выводит священника в полном облачении из дому тогда, как полное облачение употребляется только в церкви при литургии; рядит бежавшего секретаря на деревенской сходке в треугольную шляпу и белое исподнее платье, употребляемое только при парадных казусах и в городе. Наконец, он идет совершенно вопреки русскому духу, ибо результат всей его безжизненной жизни есть положение, что глас народа, наперекор исконной русской пословице, не есть глас Божий! Положение ложное и выгодное разве только для фамилии Выжигиных!» - И вот все вины, на основании коих произнесен ругательный приговор над новым романом! Постараемся доказать нашим читателям, что если можно и должно критиковать П.И. Выжигина, то не издателю Телескопа: бедный спотыкается на каждом шагу. Во-первых: Обстоятельства отечественной войны известны автору романа гораздо лучше, нежели его рецензенту: Мих. Илларион. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское Российской империи достоинство в конце июля 1812 г. (см. № 61 Северной почты 31 июля 1812 г.). Следственно, за месяц до Бородинского сражения. – Правда ли? – Во-вторых: план сражения до исполнения одного составляет тайну Главнокомандующего, а не самое сражение.

По окончании боя все известно всякому, кому о сем ведать надлежит. В романе Булгарина солдаты толкуют о том, что видели и слышали. Это бывает ежедневно, никому не удивительно и иначе быть не может. – В-третьих: В суждениях о рясах, кутье и т.п. предоставляем мы охотно первенство нашему рецензенту: ученому и книги в руки. Только заметим, что Священник в упоминаемом месте, вышел из дому не в гости и не в поле, а навстречу подступающему неприятелю, вышел с крестом и святою водою. В-четвертых: Рецензент хочет выставить, что автор романа нарядил беглого секретаря щеголем. Нет! Секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной бурой шляпе, со шпагой, в белом изношенном исподнем платье и в сапогах до колен. И будто этого быть не могло? Известно, что впадение в бедность люди сперва изнашивают свое ординарное платье, а потом уже ходят в парадном, которое тем карикатурнее, чем наряднее оно было выкроено. Это именно замечательная черта народных костюмов. В-пятых: Пословица: глас народа – глас Божий, не есть коренная русская, а переведена с латинской (*Vox populi – vox Dei*). Она вошла в русский язык путем книжным и народною никогда не бывала. Г. Булгарин, как должно честному человеку, восстает

против ее приложения, отдавая справедливость памяти Полководца, которому благодарное потомство воздвигает монумент, но которого современная толпа провозгласила было предателем и трусом. Голос толпы никогда не может быть голосом правды и благоразумия. Не говоря уже о том, что на этом голосе основано правило самодержавия народов, пагубное начало и первая причина всех нынешних неустройств в Европе, спрошу: можно ли, например лечить от холеры по голосу народа? Еще спросите у народа: что ходит, солнце или земля? Хорошо ли, когда тринадцать человек сядут за стол? и т.п. А все это голос народа! – И Телескоп называется журналом современного просвещения!» После уличения Телескопа (на двух с половиной страницах) в несправедливых придирках к слогу и в безграмотности самого журнала, берущегося судить других, - следует *Post scriptum*: «Булгарин живет в деревне своей подле Дерпта и не читает Телескопа (он просил не посылать ему вздоров); но я долгом почел вступиться за товарища. Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов, а для того, чтобы сорвать личину с шарлатанства и показать публике отечественной, кто и как у нас судят о произведениях литературы и о литераторах. Говорят, что я сими замечаниями накликаю на себя тьму ругательств. А мне какое до того дело? Я исполнил долг честного человека. Меня и так эти люди бранят беспощадно, пусть же будет у них теперь какой-нибудь предлог». Н. Греч. В № 18 Телескопа была помещена статья Пушкина, написанная в ответ Гречу: «Торжество дружбы, или оправданный Алекс. Анфим. Орлов», - с знаменательным для Пушкина эпиграфом: *In arenam cum aequalibus descendi*. Статья представляет образец художественно написанной литературно-критической шутки. Поэт с добродушной веселостью воспроизводит все основные положения статьи Греча, не исключая и того, что «Фад. Венедикт. Булгарин живет в своей деревне близ Дерпта и просил его (Ник-аю Ив-чу) не посылать к нему вздоров», и присоединяя ко всем положениям заключительный вывод: «И что, следственно, Ф.В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам: что и доказать надлежало!» Наконец, в подробностях сравнив Булгарина со своим «почтенным другом Орловым», отдает предпочтение последнему; в этом центральное место статьи: при равномерных способностях между романистами есть неравенство. – «Со всем тем, Алекс. Фнф. Пользуется гораздо меньшею славой, нежели Фад. Вен. Что же причиною сему видимому неравенству? Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фад. Вен., ловкого товарища Ник. Иван. Иван Выжигин существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в Северном Архиве, Северной Пчеле и Сыне Отечества отзывались о нем с величайшей похвалой. Г-н Ансело в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего, еще не существовавшего Ив. Выжигина,

лучшим из русских романов. Наконец, Ив. Выжигин явился и Сын Отечества, Северный Архив и Северная пчела превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом № Северного архива, Сына Отечества и Северной пчелы. Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей, ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали местью недоброжелателям не дочитавшим Ив. Выжигина из единой низкой зависти».¹⁰⁰ Но добродушный тон статьи переходит в раздражение там, где поэт касается отношений, волновавших его в прошлом году: «Две глупейшие (глупейшие!), вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки!..» «в Москве»; да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? Почему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях Сына Отечества и Северной Пчелы. Больно для русского сердца слушать такие отзывы о матушке-Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 г. от поляков, а в 1812 от всякого сброду. Москва доньше – центр нашего просвещения; в Москве родились и воспитывались по большей части писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ibi bene – ibi patria*, все равно: бегать ли под орлом французским, или русским языком позорить все русское – были бы только сыты».¹⁰¹ В другом месте слышатся отзвуки личных оскорблений: Алекс. Анф. Орлов не употреблял «никаких вспомогательных средств для достижения своей славы, которые употреблял Булгарин: «Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка... Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых. Он не заманивал унижительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей. Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии. Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами»¹⁰² и тому под.» Вторая статья, написанная в дополнение к первой: Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем (Телескоп № 15) немного отличается от первой. В ней живо воспроизводится тон булгаринских статей и полемические отношения Булгарина к Литературной Газете. – «Всеми свету известно, - говорит Феофилакт Косичкин, - что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы вышли у нас из печати в течение последнего десятилетия (шагнувшего так далеко вперед) и обратили на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком,

¹⁰⁰ V. 175.

¹⁰¹ Там же. 173.

¹⁰² См. «Анекдот» Булгарина, в № 30 Северной Пчелы, где сказано: «у которого сердце холодное и немое существо, как устрица»... Выше стр. 196.

как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостью и глубокомыслием и остроумием... Полагаю себя вправе объявить во услышание всей Европы, что я ничьих мизинцев не боюсь; ибо не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои (каждый особо и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было, - Dixi. - Взявшись за перо, я не имел однако же целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам, (разумею слово сие в его ироническом смысле), я никогда не отвечал на журнальные критики»¹⁰³... В заключение предлагается программа нового романа, который «поступит в печать или останется в рукописи, смотря по обстоятельствам»: Настоящий Выжигин. В этой программе поэт представляет все подробности сомнительного прошлого Булгарина; глава 16 должна была называться: «Видок, или маску долой!»

Отношения враждебной стороны к Пушкину продолжались в таком роде. Московский Телеграф № 17 Сентябрь. В Новом живописце Литературный разговор. – Кн. Ф. «Кроме немногих исключений разумеется, все что явилось в последние 30, 40, 50 лет – есть чад, бред, кружение голов. И причина понятна: это порождение революционного духа, который скоро должен пройти». – Филофей: «Но Гете, Шатобриан, Пушкин никогда не были революционерами, а между тем они романтики?» Кн. Ф. «Да вот и наши товарищи: Я.Я. и П.П. тоже романтизма не отвергают. Отчего? Оттого же, отчего во время революции буянили и добрые люди; но революция прошла и они одумались и сделались ультра-роялистами. Посмотрите, если Пушкин ваш не станет писать од классических, когда будет постарше». Московский Телеграф № 18. Сентябрь... «Есть люди, которые могли бы установить у нас критику истинную, но они или не хотят заниматься ею, или не имеют средств. Сам Пушкин с его умом, его высокой образованностью и силой поэтического взгляда – мог бы сделаться критиком европейским, ... но... мы знаем, какие критики пишет он ныне»! Московский Телеграф. № 21. Ноябрь – В Новом живописце. – Сплетник (скоро): «Булгарин возвратился в Петербург и пишет еще роман; в Москве будут издавать альманахи. – Филофей: Кто у вас там? Сплетник (скоро): Северная Брусника, Падучая Звезда, Белена, Литературный Колодезь. Знаете ли кто Косичкин, кто издал Повести Белкина, кто написал Вечера на хуторе, кто издал (кашляет)... Филофей: Отдохните, отдохните! Сплетник. (стараясь прокашляться): Булгарин... Пушкин... говорят тьфу... проклятый кашель»... Далее один из собеседников читает посвящение Евгения Онегина в обратном порядке строчек.

Северная Пчела № 284. Декабрь. – После жалоб на общий упадок литературы, говорится о причинах упадка: «Оттого, что люди значительные талантами и положением в свете отказываются от участия в литературе, у нас

¹⁰³ V. 179 – 180.

нет единства, нет согласия, и малое число литераторов разделилось на партии, которые искренно ненавидят друг друга и стараются вредить своим противникам всеми возможными средствами. От этого бедная наша литература жестоко страдает! Несколько человек с дарованием, или заменяя увядшее дарование своим положением в свете, начальствуют над толпами литературной черни и пр.»

Московский Телеграф. 1832 г. № 8. Февраль. – Стихотворение «Поэт»,¹⁰⁴ пародия на «Чернь» Пушкина.

¹⁰⁴ Было перепечатано впоследствии в Современнике 1857 г., ср. «Пушкин в родной поэзии» С.И. Пономарева, стр. 7 – 9.